

Олег Николаевич Верецагин

Путь Воинов

Аннотация

Предвижу, что эта фантастическая повесть вызовет критику в мой адрес. Но я всё-таки надеюсь, что читатели поймут: они критикуют не повесть и даже не её героев — а СТЕРЕОТИП. Что до героев этого маленького произведения — то они Гитлерюгендовцы.

*«И отныне станут легендой,
И бессмертной станут легендой
Наши имена!»
Песня из х/ф «Волшебный голос Джельсомино»
— Куда уж больше наказывать? Смерть предстоит!
— А за смертью ещё чего будет...
— Вот где жаровня! Каждая струнка трепещет! Вы чувствуете?.. Это запах времени!
— Запах пороха...
— Бросьте, приятель! Это время, его поджаривают на сковородке! Скоро оно до дыр прогорит и — ах! — ухнем мы с вами в другие просторы!
К.Сергиенко. «Бородинское пробуждение*

Историческая справка

Несмотря на то, что самым страшным преступлением Второй Мировой войны считается варварская американская атомная бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки, унёсшая почти **200** тысяч жизней мирных граждан, на самом деле чудовищнейшим военным преступлением следует считать уничтожение американской авиацией германского города Дрезден в феврале 1945 года.

Прекрасный город, культурный и исторический центр Германии, в котором не было ни одного военного объекта, но было 14 крупнейших военных госпиталей, превратился в пылающие руины за одну ночь. Позднее исследователи на Западе «признали» **47** тысяч погибших мирных граждан. Реальные цифры жертв лежат в рамках **300-370** тысяч человек, из которых почти **100** тысяч были детьми, не достигшими 16 лет. Подсчёт погибших продолжается до сих пор: каждый год во время строительства вскрывают бомбоубежища с останками сотен испепелённых заживо, задохнувшихся и даже РАСПЛАВИВШИХСЯ (!!!) женщин, стариков, детей и раненых.

Дрезден. 13 февраля 1945 года

Вальфрид Райхен и Фредерик Лёме.

— Налёты англо-американской авиации на города Рура¹, — Фриди закрыл «Фёлькишер Беобахтер»² и посмотрел на меня поверх серого листа. — Хорошо, что у нас

¹ Промышленный район в Германии.

² «Голос народа» — одна из самых распространённых в Германии времён гитлеризма газет, официальный орган Министерства Пропagанды.

нет военных объектов, Валли.

Я хмуро посмотрел на него. У меня вчера был день рождения. Первый в моей жизни — ну, на моей памяти точно — день рождения без торта.

Позапрошлый день рождения, например, тоже был не слишком радостным — в Сталинграде погибла армия фельдмаршала Паулюса, а с нею мой старший брат Готфрид, от которого не было писем с сентября сорок второго. Но торт был и тогда. Мама сделала его «через не могу».

Может показаться, что я о какой-то ерунде думаю. Но если вы последние полгода питаетесь свекольным мармеладом плюс триста грамм хлеба в день и полкило ливера в месяц — рухнувшая надежда на торт может показаться самым большим расстройством в жизни.

Когда я вчера забежал на секунду домой, то там было холодно и пусто, а на столе лежала записка от мамы: «Дежурю в госпитале, много новых раненых. Зайди, если сможешь. Целую». И никакого торта, конечно.

Сказать по правде, я расстроился. Если совсем честно, то я заплакал, хотя плакать стыдно.

Мы с Фриди сидели у слухового окна и смотрели на затемнённый город, по улицам которого кralись шумы и шорохи — с окраины шла колонна грузовиков с ранеными. Мелькали узкие пучки света из замаскированных фар, окрашенных почти полностью чёрной краской.

— Погаси фонарь, — сказал я, и Фриди щелкнул кнопкой ручного фонарика с динамкой.

— Да я немного свечу, — пробормотал он, — и внутрь чердака...

Я ничего не сказал в ответ на его оправдание, и Фриди бросил газету вниз — она белым полотнищем сорванного паруса канула куда-то во двор. Из глубины чердака дуло. У меня мёрзли в вязаной шапке уши. Фриди в его русской ушанке было легче. Нас должны были прийти менять через сорок минут.

Хорошо, что у нас нет военных объектов. Только госпиталя. Три дня назад нас сдёрнули прямо с уроков и повели помогать размещать раненых. Шёл снег, бесконечные ряды носилок стояли у подъезда одного из госпитальных зданий, пожилые санитары и медсёстры сбились с ног.

Раньше я пугался такого и отворачивался, если случалось просто проходить мимо. Мы таскали их почти два часа, пока пальцы не начали просто разжиматься, не потому, что не хочешь тащить, а сами собой соскальзывали с рукоятей носилок.

Последним был парень на три-четыре года старше меня, кажется, танкист, у которого сгоревший комбинезон облепил тело потрескавшейся коркой, как на пригорелом пироге, а лицо осталось целым.

Оно было синеватым и спокойным и, когда мы спросили распорядителя: «Куда класть?» — тот посмотрел на носилки и равнодушно сказал: «Отнесите в морг». Парень умер в очереди, под снегом, на улице нашего Дрездена.

Мы отнесли его в морг и положили там с краю, а следом внесли ещё одного и положили поверх «нашего», потому что места не было...

— Лезет кто-то, — отвлёк меня от этих мыслей Фриди. Я привстал. Это мог быть наш командир, Ялмар — у него была такая привычка, по ночам обходить посты. Сперва мы злились (что он корчит из себя самого ответственного?!), но быстро поняли, что никого он не корчит, а просто в самом деле беспокоится. Кроме того, Ялмар был моим лучшим другом ещё с начальных классов школы.

— Мальчишки, вы здесь? — послышался девчоночий голос. Я узнал его и уже хотел было напугать визитёрш утробным воем (глупость, конечно), но Фриди испортил затею, сказав торопливо:

— Конечно, здесь. Лезьте к окну, — и мигнул фонариком. Опять в нарушение инструкций.

Они полезли. Впереди — Магда с корзинкой, за нею — Лола, тащившая термос. Лола пыхла. Магда, усевшись между нами, улыбнулась (я различил эту сияющую улыбку) и поправила волосы под лыжной шапочкой:

— Что в небе рейха?

— Чисто, — сказал Фриди. — А что это вы — с инспекцией?

— Вот, — Магда приоткрыла корзинку. — Пирожки. Вам по два. И кофе в термосе, ячменный.

Фриди издал тихий вопль. Я ощутил, что тоже улыбаюсь — и хрипло спросил:

— За что нам такое расположение?

— А мы всем носим, — строго отрезала Лола. — И у нас ещё шесть постов.

Она сурово звякнула кружкой.

— Понял, — быстро сказал Фриди.

С девчонками он был активен, как блоха, рассказывал про свои похождения такие вещи, что многие ругались на него (как можно так о девушках?!), но с Лолой шутки были плохи. Она и своих девчонок держала в кулаке, и мальчишкам не давала спуска.

Если честно, я бы предпочёл, чтобы Магда пришла одна. Хотя тогда её занял бы Фриди. Они бы болтали, а я мычал односложные замечания.

Так всегда бывает... хотя последнее время мне кажется, что Магда — именно Магда! — нет-нет, да и посмотрит в мою сторону. То ли с интересом, то ли как-то приглашающе...

Пирожки оказались маленькие, но с картошкой и горячие. Кофе тоже горячий, настолько, что не ощущалось, что он почти несладкий — мы глотали его, обжигаясь и чувствуя, как отступает холод.

Девчонки смотрели на нас молча. Обычно я терпеть не могу, когда на меня смотрят, если я ем. Но сейчас почему-то эти взгляды были приятными.

— Нам пора, — сурово сказала Лола и поднялась в оконном проёме этакой валькирией. Магда тихонько засмеялась, тоже поднялась:

— Правда пора, мальчики.

— Я пойду посмотрю, как там на лестничных клетках, — неожиданно для самого себя сказал я, вставая. — Я быстро.

Сказал — и сам удивился и испугался: зачем это я?! Но сказанного не воротишь. Переступая через балки и спотыкаясь, я пошёл за пробирающимися к выходу девчонками.

Они открыли дверь вниз, и Магда задержалась, придерживая её. Лола двинулась вниз, сказав:

— Скорее давай.

На лестнице было совсем темно. Я услышал, как Магда опять засмеялась и сказала:

— Ну, проверяй.

И тогда я сильно разозлился — непонятно на кого, но очень сильно, в ушах зашумело — и сильно, крепко поцеловал её, попав прямо в губы. И тут же отшатнулся.

Было тихо. Магда, казалось, перестала дышать. А потом я услышал её слабый шёпот:

— Почему?..

— Ты мне нравишься, — как-то грубо ответил я. И подумал, что сейчас надо (как в рассказах Фриди) схватить её, прижать к стене, начать целовать снова и снова (я не помнил и не понял, понравился мне поцелуй, или нет?), тискать, а потом...

Но я не мог этого сделать. Не физически не мог, а... не мог. Вместо этого я повторил с отчаяньем:

— Ты мне нравишься.

— Магда, ты где?! — окликнула снизу Лола. Что-то, натянувшееся в темноте лестничной клетки, лопнуло, и мы снова научились дышать.

— Я пойду, — негромко сказала Магда. Я молча отступил, давая ей дорогу вниз. Она прошла мимо, задела мою щёку шапочкой... и неожиданно сказала:

— Давай завтра пойдём на каток. Ты ведь завтра свободен?
Завтра я собирался залезть под все возможные тёплые вещи в доме — и спать до утра.
Но...

— Конечно! — почти выкрикнул я. — Встретимся около твоего дома, ага?

— Ага, — передразнила она меня и быстро пошла — почти побежала — вниз.

Я стоял, слушал, как они о чём-то переговорили с Лолой, потом — хлопнула дверь подъезда... Медленно повернулся и пошёл на чердак.

Фриди сидел около окна. Когда я молча устроился рядом, он усмехнулся и спросил:

— Ну, что там у неё под свитерком? Снаружи глянуть — симпатичные мячики, ничего не...

— Сейчас ты полетишь отсюда без планера, — спокойно сказал я.

Фриди трудно заставить заткнуться с одного раза. Но сейчас он осёкся и больше ничего не говорил...

...Я передёрнул плечами. Мне уже несколько секунд казалось, что я слышу какой-то шум. Я сперва думал, что это шумит в ушах от голода. Но сейчас...

— Господи боже, Валли! — Фриди вскочил, его лицо, смутно видимое в темноте, вдруг выступило резким пятном. — Смотри!

Да. Это гудело не у меня в ушах... И рёв сирен, возникший по всему городу, подтвердил, что зрение нас не обманывает.

Небо двигалось. Сперва мне именно так и показалось — небо плывёт на город. И только потом я понял, что это передвигаются в невероятно плотном строю на нескольких уровнях сотни самолётов.

Они приближались медленно, но неотвратно, и в самой этой медленности была некая тупая уверенность, что нет на свете силы, способной их остановить.

— Вот и всё, — вырвалось у меня. Без страха, хотя я понял, что это такое и что сейчас будет.

Навстречу армаде, пожиравшей небосклон, полоснули лучи прожекторов и потянулись пунктиры зенитных очередей. Но это было... это было как-то даже жалко. Как будто ребёнок прутиком силился отогнать атаковавшую его стаю стервятников.

— Мне... надо домой... — пробормотал Фриди и облизнул губы. Я вдруг понял, что он хочет убежать и спрятаться под кровать, как пятилетний ребёнок от своих страхов. Не скажу, что я его не понимал. — Мама...

— Уйдёт в убежище, — сказал я, не поворачиваясь к нему. — Под нами дом. Люди. Как же мы убежим? Бери клещи.

Он моргнул и, натянув рукавицы, взял клещи. Помедлив, сказал:

— Прости...

— Да ну, — ответил я. — Полезли наверх...

...Первые бомбы упали возле нашего поста минуты через полторы после начала налёта, когда окраины уже горели. Отсюда я видел, как горит и мамин госпиталь — там вообще творилось что-то невероятное, пламя стояло сплошной стеной, даже плотной на вид, по улицам бежали люди и слышался крик, перекрывавший вой огня.

Прямо под нами бомба угодила в пожарную машину — точнёхонько в середину, и той не стало. Понимаете, она не разлетелась, не разорвалась на куски. Её просто не стало, а возник огненный шар, и нас бросило на крышу.

Из неба начали вываливаться металлические цилиндры, разбрызгивавшие ослепительные султаны красивого огня. Некоторые пробивали крышу, Фриди слез на чердак, чтобы тушить их.

Я метался с клещами, швырял фыркающие цилиндры во двор и думал: только бы не попала фугаска. Только бы не попала фугаска. О маме мыслей не было, кроме одной: она старшая медсестра, она не бросит раненых, а значит... дальше не думалось.

И я не думал ни о Германии, ни о фюрере, ни о славе, ни даже о том, что защищаю родной город. Я просто таскал эти зажигалки, а они не кончались и не кончались.

Руки уже отваливались, крыша была вся в дырах... Кажется, к нам присоединились несколько женщин и пожилых мужчин — жильцы снизу. Но я видел их только как мечущиеся тени. А потом...

Потом я полетел. Я летел — не падал, а именно летел — прямо в пламя, невероятно красивое, каким его видит, наверное, мотылёк, летящий на огонь лампы, и воздух держал меня снизу. Я посмотрел и увидел, что дом, на крыше которого мы дежурили, оседает в океан огня.

И ничего, кроме огня, нет на месте моего родного Дрездена. Всего города. Огонь танцевал сам с собою ликующий танец. А по горящему небу между кружащихся золотистых столбов шли и шли армады самолётов, и я, казалось, лечу в одном строю с ними.

Магда, подумал я.

Я упал в это прекрасное и страшное пекло и испарился раньше, чем ощутил боль.

Окрестности берлина. Апрель 1945 года

Ялмар Руст и Айнс Дитмар

Больше всего в своей четырнадцатилетней жизни Ялмар Руст боялся, что его сочтут трусом. Он никогда не был смелым от природы — может быть, поэтому начал заниматься боксом и парашютным спортом, это заставляло его нарываться на драки с более сильными сверстниками...

В гитлерюгенде Ялмар продвинулся быстро, потому что сочетал в себе умение подчиняться с умением принимать решения и командовать... и ещё — благодаря своей чисто арийской внешности, которой втайне очень гордился.

Как и почти все немцы-подростки, Ялмар глубоко переживал повсеместные поражения вермахта, ещё недавно безоговорочно победоносного, и считал, что мог бы принести на фронте очень много пользы. Верил он и в то, что гений фюрера выведет рейх из того тупика, в котором оказалась Германия.

Когда 13 февраля сотни англосаксонских бомбардировщиков обрушились на его родной Дрезден, Ялмар не дал страху победить себя. Собрав лично свой отряд гитлерюгенда (лучший друг Ялмара, Валли Райхен, погиб буквально перед этим сбором), он двое суток тушил зажигалки, раскапывал раскалённые развалины, сортировал трупы, боролся с огнём, не давая остальным ребятам упасть духом под градом фугасок и осколочных бомб.

Никто не знал, никто не заметил, как страшно было ему самому в этом аду, как сжималось всё внутри, когда на обледенелой крыше заставлял его близкий разрыв, и мир переворачивался, сжимался до размеров пальцев, вцепившихся в первое попавшееся. За что можно было удержаться...

Падая от усталости, он еле-еле дотащился домой, когда всё кончилось.

Дома не было. Возились пожилые пожарные, парни из гитлерюгенда — совсем незнакомые. Никто даже не обернулся на чёрного от гари и недосыпа подростка, который, кусая губы, стоял возле дымящихся развалин со стиснутыми кулаками.

Ялмар глотал слёзы, глотал кровь из прокушенной губы... Потом увидел тела матери и двух сестричек — обнявшихся, их так и достали из подвала, где задохнулись они и ещё почти двести детей и женщин...

Ялмар повернулся и ушёл. Он ненавидел этих подонков, этих бесчестных негодяев, убивающих из поднебесья, не имеющих смелости взглянуть в лицо арийскому воину... Он решил пробираться на фронт и мстить.

Давно надо было это сделать, но он оставался единственным мужчиной в семье — старший брат геройски пал в 1943 году под Прохоровкой (он был танкистом «викингс»), а отец и сейчас, наверное, ещё держался со своей окружённой 18-й армией на побережье Прибалтики...

Ялмар записался в 114-й батальон фольксштурма, приданный 615-й дивизии особого назначения, державшей оборону на западном берегу реки Нейсе. Против русских, но мальчишке это было всё равно. Именно русские орды задавили мощь вермахта. Без них эти трусы-англосаксы никогда не одолели бы Рейх!

Батальон был разбавлен ЭсЭсовцами, восхищавшими Ялмара. Это были настоящие бойцы, словно выкованные из стали. Ялмар и другие мальчишки старались держаться поближе к ним и подальше от вечно ноющих пожилых ополченцев.

ЭсЭсовцы, в свою очередь, быстро заметили и выделили не по годам угрюмого паренька с безжалостным взглядом больших глаз на ещё детском лице.

Именно Ялмар первым обзавёлся MP40³ вместо надоевшего — неудобного, хоть и простенького, и с более мощным патроном — FG45⁴, с которыми мучились большинство фольксштурмовцев. Протекцию в этом деле ему составил оберштурмфюрер Киссель — негласный лидер ЭсЭсовцев батальона.

Киссель был странным человеком. Во-первых, он складывал стихи на готском языке и обожал читать их вслух — кстати, многим нравилось слушать странно звучащие суровые строки, улавливать мелькающие знакомые слова...

А во-вторых — Киссель говорил об идущей войне: «Самая Ненужная В Мире», — так, словно зримо чеканил заглавные буквы.

Услышав это в первый раз, Ялмар возмущился... но потом узнал, что Киссель — участник семидесяти девяти рукопашных (на русском фронте!!!) и лично поджёг из «офенрора» 12 танков (в том числе — 5 страшно-легендарных Т-34!).

Наверное, были у оберштурмфюрера свои причины так говорить о войне, даром что он их никому не раскрывал. Он и подарил Ялмару MP после случая с той русской медсестрой...

...Её захватила разведка, ходившая на восточный берег. Но медсестра даром оказалась не нужна и командиру дивизии (озабоченному тем, что нужно растянуть жалкие остатки 615-й по длинному фронту), и командиру батальона (озабоченному язвой желудка и сохранением своей задницы) — так что, девушка на три-четыре года старше Ялмара оказалась опять среди солдат...

...Её хотели изнасиловать, не ЭсЭсовцы, а те самые хнычущие бюргеры, почтенные отцы семейств, что скоро будут, приседая от страха, тянуть руки вверх при виде наступающих русских, крича с подвизгом: «Нихт шиссен, геноссен! Ихь бин арбайтер!».

Ялмар с ещё несколькими ребятами из гитлерюшенда бросились в драку, и насильники разбежались от мальчишек, орудовавших ремнями с ножами в ножнах, скуля, как побитые щенки.

Ялмар посмотрел в лицо сидящей на мокрой земле девчонки. И увидел не разбитые губы, не синяки, а глаза. Ненавидящие и такие же светлые, как у него самого.

Тогда Ялмар выстрелил ей в лоб из своего FG45. Киссель подарил ему MP после этого случая.

А 16-го апреля русские начали наступление...

...Ялмар плохо запомнил, как и что было. 114-й перестал существовать почти сразу. Командир батальона просто сбежал. Большинство фольксштурмовцев тоже разбежалось или погибло сразу, даже не успев увидеть врага — в небе были только русские самолёты, их танки шли волнами без конца.

Да и потом — русские солдаты, имевшие за плечами двух-трёхлетний опыт войны, легко справлялись с ополченцами.

Исключений было немного. И Ялмар оказался одним из них. Он поджёг русский танк

³ Пистолет-пулемёт фирмы Эрма калибра 9 мм, который часто неправильно называют «шмайссер».

⁴ Самозарядный карабин калибра 7,92 мм, созданный в самом конце войны, как дешёвое и многозарядное (30 патронов) оружие.

из найденного «Фауста». Потом убил нескольких русских; скольких — не запомнил.

Остатки батальона загнали в лес Мускауэр Форст, и Киссель повёл группу — человек десять ЭсЭсовцев и вдвое больше фольксштурмовцев — на юг, на соединение с дивизией «Великая Германия», оборонявшей восточный берег Шпрее.

Ялмар больше не думал о том, сочтут ли его смелым или трусом. Он просто шёл впереди отряда — посменно с другими — или волок на пару с кем-нибудь носилки, на которых лежал раненый ЭсЭсовец.

Первую ночь они провели просто под елями, сбившись в кучу и вслушиваясь в грохот канонады со всех сторон, особенно — с севера...

Ночью раненый ЭсЭсовец застрелился. Он, наверное, мог бы выздороветь даже в условиях войны. Но его нужно было тащить, и он это понимал. Ялмар взял себе его «вальтер» — и никто не возразил. А утром они прямо лоб в лоб столкнулись с русскими гвардейцами.

И дальше Ялмар шёл один. Он опять кого-то убил в этом суматошном лесном бою среди чёрных деревьев. Это был настоящий бой. Те, с кем столкнулись гвардейцы, не собирались бросать оружие...

Днём Ялмар нашёл Кисселя. Оберштурмфюрер лежал в снарядной воронке со «шмайсером» наизготовку, а неподалёку — трупы троих убитых русских. Ноги Кисселя были раздроблены в коленях очередью ППШ, у него оставались последний магазин и трофейная граната.

Ялмар хотел выволочь его из воронки и тащить дальше. ЭсЭсовец приказал не валять дурака, потом отдал гранату, несколько патронов к «вальтеру» и приказал убираться.

Но Ялмар всё-таки вытащил его, едва не надорвавшись — и поволок на плащ-палатке — на юг, к позициям дивизии, не слушая, как Киссель ругается на трёх языках. Оберштурмфюрер умер той же ночью. Оказывается, он был ранен ещё и в грудь...

Ялмар зарыл его и долго, трудно плакал над невысоким холмиком злыми слезами, обжигавшими, как кипятком. Плакал, мечтая лишь об одном: чтобы появились русские. Он бы дрался, он бы стрелял, он бы кусался и рвал их, пока его не изрешетили бы...

Но русских не было — лишь гром боёв доносился отовсюду, и Ялмар вдруг понял, что фронт сместился — на севере и юге теперь тихо, а стрельба идёт... оттуда, оттуда, где проходил третий, последний рубеж обороны.

Он не знал, что это были бои 18 апреля за Шпремберг. Но понял другое — русские уже обогнали его. Они впереди, он — у них в тылу.

Более слабого человека эта мысль сломала бы. Но Ялмар успел потерять всё, что только можно потерять. Где-то ещё были немцы, которые сражаются — и он пошёл следом за грохотом фронта...

...19 апреля он переплыл Гросс Шпрее. Река ещё несла лёд, серая, хмурая вода пугала даже самым видом, по ней иногда проплывали мусор и трупы.

Он чуть не умер, когда, толкая перед собой уложенные на связку камыша форму, снаряжение и оружие, голышом сделал первый шаг в эту черноту, похожую на ожившую ночь. Взрослый не выдержал бы, у взрослого остановилось бы сердце.

Ялмар, хоть едва не задохнулся, выплыл, выдержал, добрался до берега.. Страшно хотелось спать, рот раздирало зевотой, тело онемело, мозг работал с трудом... Кое-как одевшись, он пошёл куда-то на запад, и уже через пару часов его начало лихорадить.

Последнее, что он помнил — каменную арку без ворот, падавшую на него.

На самом деле — это упал он. Без сознания, у ворот фольварка.

* * *

Ялмар пришёл в себя 27 апреля. Берлин ещё держался, и фюрер ещё был жив. Но мальчик не знал ни того, что сейчас 27-е апреля, ни, что держится Берлин, ни, что фюрер жив.

Он знал только, что лежит на мягкой кровати под медвежьей шкурой, ему тепло, и на полу — разноцветные пятна света, пробившегося через витраж, на котором Святой Георгий

поражает дракона.

Ялмар сел. Голова кружилась, руки были слабыми, как две варёные макароны. Комната вокруг оказалась большой, перевёрнутой до предела — кровать выглядела единственным порядочным местом. Форма, оружие, снаряжение — всё лежало рядом, на столике.

Значит — не русские. Он не в плену... За окном была весна. Настоящая — не чёрная и мокрая весна середины апреля, в которой он пробирался через лес, а почти майская, с птицами и первой зеленью на ветках.

Ялмар попытался дотянуться до формы, но не смог — резко вспотел, зашумело в ушах, голова пошла кругом окончательно, и он обессилено брякнулся на шкуру, зажмутив глаза; мир противно вертелся и качался.

Он даже не услышал, как кто-то вошёл. А когда открыл глаза — на краю кровати сидел мальчишка лет десяти-двенадцати. Хорошо одетый, не исхудалый, но с печальными глазами затравленного и напуганного зверька.

— Привет, — сказал Ялмар и не узнал своего голоса — он был слабый и чужой.

Мальчик кивнул и спросил застенчиво:

— Как вы себя чувствуете?

«Почему он называет меня на “вы”»? — изумился Ялмар. — Бог мой, неужели я поседел или что-то в этом роде?! А что, вполне возможно...» — но тут же сообразил, что мальчик просто не знает, кто он такой и как к нему обращаться. Поэтому Ялмар сказал:

— Неплохо. Только слабый... Это ты меня подобрал?

— А-га — протянул мальчик. — Тут есть кальцекс и норсульфазол. Я вам давал. Вы глотали... И бульон из консервов.

— Я долго был без сознания? — Ялмару очень хотелось сесть, но он не знал, как это на нём скажется.

— Больше недели. Я очень боялся, что вы умрёте...

— Выносил из-под меня тоже ты? — грубо спросил Ялмар. Мальчик кивнул. Потом спросил:

— Вы из «Великой Германии»?

— Нет, — честно признался Ялмар. — Я из 114-го батальона фольксштурма.

Глаза мальчика стали круглыми:

— Но... он же был за лесом Мускауэр Форст! За Шпрее!

— Я её переплыл.

Губы мальчика тоже округлились буквой «о», он покачал головой:

— Вы герой...

— Какой я герой... — Ялмар вздохнул. — Лежу здесь и ничего не делаю... И бога ради, не называй ты меня на «вы». Я — Ялмар. Ялмар Руст. Из Дрездена. А ты кто?

— Айнс Дитмар, — представился мальчик.

— А где я? — спросил наконец Ялмар.

— Фольварк Вильде...

— Слушай, ты здесь что — один? — дошло до Ялмара очевидное.

Губы Айнса дрогнули, лицо стало испуганным.

— Да... — дрогнувшим голосом сказал он. — Я теперь, наверное, вообще один...

Он скривился, стараясь удержать слёзы. Ялмар с трудом сел, неловко положил руку на плечо Айнса. Негромко сказал:

— Я тоже один. Уже давно, все мои погибли в феврале... Так это фольварк твоих родителей?

— Я... — Айнс прерывисто вздохнул. — Я сейчас расскажу. Сейчас...

... — Я не отсюда, я из Нойштадта. Тут жили фон Ирэны, я дружил с их сыном, младшим, с Гюнтером. Когда русские начали наступать, мама привезла меня сюда, фрау фон Ирэн с радостью согласилась, чтобы я пожил у них...

Айнс зажал виски ладонями измотал головой.

— Потом — потом появились русские. Приехали на такой небольшой машине, вчетвером... Они забрали брата фрау фон Ирэн — он был ранен и лежал дома... офицер, лётчик. Забрали и увезли куда-то... Сами вернулись, но уже без него.

Они несколько раз приходили сюда... ничего не брали и не трогали, но смеялись, издевались над нами... Тогда... на вторую ночь... — Айнс облизнул губы, — Хубер — это работник фрау фон Ирэн — привёл троих или четверых вервольфов⁵.

Они кинули в машину русских гранату и застрелили двоих, которые остались живы... Они кричали, что это Рейх, а не Советы, и немцы будут жить, как сами хотят... А потом мы с фрау фон Ирэн и Гюнтером стояли на парадном крыльце. На шоссе, там, — он слабо махнул рукой, — появились огни. Мы услышали рокот, это были русские... танк и грузовик с солдатами...

Хубер и вервольфы стали в них стрелять, а фрау фон Ирэн втолкнула нас с Гюнтером в дом. Но русские вышибли дверь гранатой... — Айнс хлюпнул, вздрогнул. — Ворвались в дом... И всех увели.

Гюнтер дрался с ними, кричал, чтобы не трогали его маму, а я... я струсил. Я спрятался в туалете... я трус, ничтожный трус! Гюнтер был смелым, а я — я не немец, — горько выдохнул мальчик и съёжился, ожидая, наверное, упрёков и брани.

— Я тоже бежал, — сказал Ялмар тихо. — Что ты мог сделать — тоже попасть к ним в руки? А потом?

— Они тут не остались, — Айнс справился с собой. — Никого не осталось... только я. В подвале много консервов, есть уголь, только сильно топить я боюсь, русские ездят по дороге, хоть и редко...

А уже на следующий день я увидел, что по лугу идёт человек в нашей форме. Он дошёл до ворот и упал прямо в них. Мне было так страшно... но тебя могли увидеть с дороги. Я так боялся... — Айнс поднял на Ялмара глаза, и в них ещё была тень того испуга. — Но вышел и потащил тебя в дом.

— Ты меня спас, Айнс, — сказал Ялмар. — Я всегда буду это помнить... И не мучь себя. Каждый сражается, как может. И ты — настоящий немец.

— Ты хочешь уйти?! — испуганно спросил Айнс.

— Понимаешь, я ведь солдат. Я не хочу прятаться. Если придут русские — я буду в них стрелять. Меня, конечно, убьют... а потом могут убить тебя, — пояснил Ялмар буднично.

— Но, куда ты пойдёшь?! — с отчаяньем сказал мальчишка. — Тут есть приёмник же, послушай — бои идут в самом Берлине, американцы и русские встретились на Эльбе...

Ялмар прикрыл глаза. Переведя дух, хрипло сказал:

— Враньё. Пропаганда.

— Говорил доктор Геббельс, — виновато ответил Айнс. — Правда-правда, Ялмар...

Ялмар стиснул зубы. Что оставалось — выйти на дорогу, дожждаться первых же русских и принять бой? Хороший выход; и страха он не испытывал. Он умрёт непобеждённым, и это будет легче, чем жить теперь. Ялмар даже не сразу понял, что Айнс зовёт его:

— Ялмар! Ялмар! Не молчи! Пожалуйста, я боюсь, у тебя страшное лицо...

Да, но как же Айнс?

Эта мысль словно бы толкнула Ялмара. Умом он понимал, что сотни и тысячи немецких детей сейчас в ещё худшем положении, но... но Айнс его спас. И он был не где-то, а здесь, рядом. И он верил в Ялмара.

Поверил в фольксштурмовца с оружием, который был старше его самого на пару лет.

⁵ Конечно, имеются в виду не волки-оборотни, а члены подпольно-партизанской организации «Вервольф», которым вменялось в обязанность развернуть сопротивление в тылу советских войск и войск союзников. Но к тому времени наиболее пассионарная часть немецкого народа либо была выбита, либо находилась в армии, и массового партизанского движения не получилось. (В случае с советскими войсками большую роль сыграл приказ Сталина расстреливать за малейшее насилие в отношении гражданского населения.) Тем не менее, теракты и действия небольших партизанских групп продолжались до начала 1948 года.

Поверил, как в панацею, как в спасение от ужаса... Бросить его?

— Не кричи, — с трудом сказал Ялмар. — Я сейчас оденусь, поедим и будем решать, как быть дальше.

* * *

Консервов в самом деле было запасено много — Ялмар не помнил, когда ел так в последний раз. Но он не только ел — он ещё и на самом деле напряжённо думал.

Ялмар недаром прославился ещё в гитлерюгенде умением решать. Но сейчас он не знал, что делать. Куда идти, если враг — кругом, если он захватил всю страну? Боже, его Германия — в руках врагов, как во времена Аттилы! Нет, хуже...

— Айнс, ты говорил о вервольфах — где они?

— А? Я не знаю, Ялмар... Хубер знал. Я даже не уверен, что они тут ещё есть. Я думаю, будь они — они пришли бы проверить, что с их друзьями...

«А он неплохо мыслит», — отметил Ялмар, снова замолчав. Мыслить — это хорошо. А вот решить, что делать дальше — проблемка...

...Чтобы занять руки, Ялмар взялся чистить МР. Он в самом деле нуждался в чистке.

Куда идти? Что делать? Как быть? Вопросов было много. Ответов — ни одного. А думать теперь нужно было за двоих.

— Ты умеешь разбирать-собирать? — спросил Ялмар внимательно следящего за его руками Айнса. Тот покачал головой. — Тогда садись ближе и учись. Пригодится.

Младший послушно подсел. Ялмар делал привычные движения, но, подсчитав патроны, огорчился. Да-да, больше их не стало. Полный магазин, восемь штук в другом. Плюс граната, нож и «вальтер» Кисселя. Можно считать, что без патронов — к нему нужны те же, что и к МР.

— Послушай, — вдруг осенило Ялмара, — а у этого вашего работника, у него же было оружие?! — Айнс кивнул. — Ты не знаешь, где он хранил патроны? Вдруг там что-нибудь осталось?

* * *

Как и все крестьяне, Хубер был запаслив. Другое дело, что все его запасы не могли пригодиться Ялмару.

Покусывая губу, мальчишка с досадой разглядывал внутренность подвального шкафа, который не взломали русские, но взломал он. Тут было не меньше двухсот патронов.

16-го охотничьего калибра. А два ружья русские как раз забрали.

— Д-да-а... — досадливо протянул он.

На патронах лежала Библия. Потрёпанная, толстая. Ялмар не помнил, когда последний раз держал её в руках — кажется, ещё до войны... Он протянул руку, взял книгу, листнул. Прочёл вслух:

— «Разве вы не знаете, братия, — ибо говорю знающим закон, — что закон имеет власть над человеком, пока он жив?» (К римлянам, 7:1).

— Что это значит? — спросил Айнс, стоявший рядом и озиравшийся в подвале, освещённом лишь карбидным фонарём, повешенным на крюк над шкафом.

— Ничего, — ответил Ялмар. — Это писали очень давно и очень далеко от наших мест. Просто слова...

— Пойдём, — попросил Айнс. — Мне тут страшно. Я за консервами сюда спускался, умирал от страха. И даже сейчас страшно.

— Страшно? — Ялмар осторожно положил книгу на патроны, закрыл шкаф. — Почему?

— Т-так... — Айнс помолчал, ёжась. И вдруг сказал тихо: — Мне всё время казалось... ещё когда мы с Гюнтером сюда лазили... что... — Айнс поднял на Ялмара серьёзные и внимательные глаза. — Что там, — он показал в глубину подвала, — есть ещё что-то. Гюнтер только смеялся... Но... Оно там есть.

— Что? — Ялмар буквально обмер, ощутив, как во всему телу зашевелились волоски, а на голове буквально поднялись дыбом. Он не думал, что может чего-то испугаться вот так

глупо — просто от слов младшего мальчишки в самом обычном подвале. — Что есть?!

— Послушай, — Айнс взял Ялмара за рукав. — Тихо.

И Ялмар послушно замер, молча застыл.

Первые несколько секунд ничего не было. Только тёмный подвал, в котором пахло углём и — немного — сыростью. Ялмар успокоился, хотел уже кашлянуть и сказать, что надо уходить, чего там... как вдруг...

Нет, это не было страшно, хотя младший мальчишка мог бы и испугаться, конечно. Просто — странно. Как будто не стало подвала. Темноту пронизали запахи — незнакомые, но приятные.

Послышались живые звуки. Да и сама темнота стала иной, не темнотой помещения, а темнотой ночи... И, когда всё это стало совсем реальным — у Ялмара вырвался вскрик — тоже не от страха, от удивления:

— Что это?!

И всё пропало.

Ялмар услышал своё дыхание — сорванное, тяжёлое.

— Это — там, — Айнс поднял руку. Удивлённо сказал: — А сейчас я не испугался. В прошлый раз — тоже, но тогда я сильнее боялся русских и не думал...

— В прошлый раз? — Ялмар посмотрел в направлении вытянутой руки мальчишки — она указывала на большой старый посудный шкаф, едва видневшийся в подвальной темноте за кучей угля. — В какой прошлый раз?

— Я... — Айнс коротко вздохнул. — Я тебя обманул. Я тогда не прятался в туалете. Они везде искали, они бы меня нашли... Я побежал сюда, я хотел спрятаться за углём... И тут вижу — дверца шкафа приоткрылась. Я заскочил туда. И стало так. Как было сейчас.

Я думал, что умру, так боялся... Но русских боялся больше. А потом я увидел русского — он смотрел мне прямо в лицо и не видел. Что-то сказал и исчез. И я выпал из шкафа... А потом я сюда ходил только наощупь. Зажмуривал глаза... — Айнс помедлил и повторил изумлённо: — А сейчас страшно не было.

Ялмар прикусил губу. Глубоко вдохнул.

— Айнс... — тихо сказал он. — Давай ещё помолчим.

— Я возьму тебя за руку, — просто сказал младший мальчик. — Наверное, я опять не испугаюсь тогда.

— Бери, — кивнул Ялмар.

И они замолчали, стоя друг возле друга и вглядываясь-вслушиваясь в темноту.

Стен не стало. Ударили стеклянные колокола. И накатились запахи и звуки, а вместе с ними — пришла песня. Её пели не на немецком, точно — но так же точно Ялмар понимал слова...

Он в мире первом смотрел телевизор,
читал Кастанеду, сушил носки,
И пёс одиночества рвал его горло
тупыми клыками хмельной тоски.
А в мире втором мотыльки и звезды
хрустели, как сахар под сапогом,
И смысла не было, не было —
ни в том, ни в другом...

Айнс всхлипнул — но не от слёз или страха, а словно бы удивлённо...

А в мире третьем он стиснул зубы,
подался в сталкеры мёртвых зон,
Сдирал дымящийся полушубок,
пройдя сквозь огненный горизонт,

Ввалившись в прокуренное зимовье,
рычал из спутанной бороды,
Что смысла не было, б...я,
не было, туды-растуды.
И только Солнце снова
будило его, дыша в висок,
Шептало: «Вставай,
ведь такова твоя функция
Во всех попутных мирах,
где горит моё колесо,
До поры, пока не вытек бензин!»
Потом подчинялся иным законам,
узнавши, как, и узнавши, где,
Становился лёгким и незнакомым,
трёхпалым листиком на воде,
Слетал, планируя, на поверхность,
и было пофиг, куда снесёт,
И смысла не было, не было,
не было — и всё...

— Не бойся... — попросил Ялмар, хотя было уже ясно, что Айнс не боится. Музыка продолжала звучать, песня не кончалась, она словно бы стала ближе...

А небо скрипело, кричало: «Где ты?!
Идёшь ко дну ли, бредёшь ли вброд?»
Неадекватный клинок победы
был злым и кислым, как электрод,
Когда, посвящая Атланта в лорды,
ложился на каменное плечо,
А смысла не было, не было,
не было ни в чём.
И только Солнце снова
будило его, дыша в висок,
Шептало: «Вставай,
ведь такова твоя функция
Во всех попутных мирах,
где горит мое колесо,
До поры, пока не вытек бензин!»
Эй вы, подземные виноделы,
залейте в череп бокал вина,
Эпоха кончилась, просвистела —
кому хана, кому мать родна,
Края пергаментной Ойкумены
свернулись в трубочку на огне,
А смысла не было, не было
ни в ней, ни извне...

Слова песни были полупонятны, насмешливы, бесшабашны. И они звали. Да, звали, как зовёт старый друг: «Эй, Ялмар! Выходи, пошли на речку!» Как будто даже их пел голос заживо сгоревшего Валли. Только тот не умел петь... а вот всё же.

Гадал он: «Да что ж это в самом деле?

Неужто и вправду порвалась нить?
Неужто мои батарейки сели,
неужто нечем их заменить?
Неужто осталось стоять
у дороги и удивляться, как идиот,
Что смысла не было,
не было, а поезд идет.
Олег Медведев

И в этот самый момент, подумав про Валли, Ялмар начал видеть.

Берлин. 2 мая 1945 года

Готлиб Вегенер, Зигфрид Корн, Пауль Рауше, Генрих Тойзен, Линда Вильмонт и Вальтер Сеньци

Прогоревшее перекрытие рухнуло как раз в тот момент, когда последний перебежал его.

Вальтер оглядел своё воинство, тут же повалившееся на пол под окнами. Он сам сидел на корточках и думал о трёх вещах сразу:

- скоро ли догадаются русские, куда они ушли?
- сколько ещё проживёт Ян?
- что делать дальше?

За всеми этими мыслями бился деловито-панический вопль: «МА-МА-А!!!» Но мама тут помочь ничем не могла и вообще находилась неизвестно где.

Он ещё раз оглядел своих и подмигнул обнимавшему карабин Готлибу — самому младшему, которому даже по нынешнему нездоровому разумению тут делать было нечего, в тринадцать-то лет.

Готлиб бледно улыбнулся. Остальные выглядели пободрее. Баварец со своей снайперкой украдкой выглядывал в окно — чуть сбоку, еле-еле. Пауль, тяжело дыша, зачем-то смахивал мусор, набившийся между рёбрами на стволе «зэт-бэ»⁶.

Линда, открыв сумку, пересчитывала бинты и лекарства, придерживая локтем пистолет-пулемёт. Генрих, сидя возле Яна, тихо посвистывал по своей всегдашней привычке.

Шесть человек, пулемёт и четыре «Фауста». Утром, когда они вступили в бой на канале, было восемнадцать человек. Вальтер был почти уверен, что двое сбежали. Он не злился на них, а только холодно презирал. Остальные убиты.

В комнате была цела крыша, и это создавало какое-то глупое ощущение защищённости для пятерых мальчишек и девчонки в возрасте 13-16 лет, одетых в драную маскировочную форму поверх фольксштурмовского обмундирования.

Казалось, что, если сидеть тихо и неподвижно, то грохочущий снаружи мир, переполненный стрельбой, рёвом и завыванием, прокатится мимо. Тогда всё будет, как прежде.

«Не будет, — подумал Вальтер. — Отца и брата не будет. Дома, в котором я родился и рос, не будет. Ладно. Этого всего уже нет. Но Германии не будет тоже. Твои надежды смешны, гитлерюнге. Всё станет по-другому, как продиктуют победители. Твоя задача — этого не увидеть. И сделать так, чтобы побольше победителей тоже не увидели этого...»

— Вальтер, подойди, — послышался голос Генриха. — Ян умирает.

Не вставая в рост, чтобы не мелькать в окнах, Вальтер перебрался ближе.

⁶ Чешский пулемёт, применявшийся в армии гитлеровской Германии.

Живот эсэсовца был крест-накрест перехвачен повязками, грудь и шея — тоже. Русский снаряд разорвался совсем недалеко, и Ян получил полновесную порцию осколков. Тогда он потерял сознание, а когда пришёл в себя, то приказал его бросить.

Гитлерюгендовцы не бросили. Они с маниакальным упорством таскали то и дело теряющего сознание Яна по этажам и проулкам. Почему? Может быть, просто боялись остаться вообще без взрослого человека, создававшего ощущение хоть какого-то порядка в окружающем безумии?

— Как ты? — Вальтер единственный называл Яна на «ты». Эсэсовец повёл углом рта:

— Хорошо, — сказал он. — Значит, скоро конец... Дай пить.

— Ты в живот ранен, тебе... — начал Вальтер и, отстегнув от пояса фляжку, протянул Яну: — Держи.

Тот долго пил (бинты промокали), потом губами оттолкнул горлышко и, расстегнув трофейный русский планшет, протянул его Вальтеру:

— Смотри... Вот канал. Вот тут — станция метро. Уходите отсюда. Мы уже часа полтора в тылу у русских. Выбирайтесь через метро к Тиргартену... — он закашлялся и выплюнул кровь. — Берегите себя, хватит стрельбы пока, — он закашлялся снова, уже безостановочно, кровь потекла густо и непрерывно. — Всё, — выдохнул он. — Всё кончено. Моя честь... — он расслабился, глаза застыли.

— ...зовётся верность, — тихо закончил Вальтер.

Помедлил, закрыл Яну глаза, повыше поддёрнул широкий ворот маскхалата, чтобы закрыть петлицы. Неспешно, методично, забрал боеприпасы — их оставалось немного — и подозвал остальных. Они сползлись, уселись в кружок, сжимая оружие и с надеждой глядя на Вальтера.

— Так, всё в порядке, — сказал он глупость и поразился, когда увидел, что лица остальных стали спокойней. — Всё в порядке, — повторил он уже уверенно. — Смотрите: сейчас выйдем по пожарной лестнице за дом. Там переулками пойдём к метро, тут близко станция. Русским в переулках делать нечего. Доберёмся... Да, ещё, — он закрыл карту. — Если кто хочет уйти...

— Бесплезно, — Баварец неотрывно смотрел в окно. — Вот они.

Все бросились к окнам.

Внизу по улице двигались буквой V три танка — тридцатьчетвёрки. Слева и справа, спереди и сзади от них перебирались через развалины, мелькали в проёмах люди в замызганных ватниках, с оружием, не меньше полусотни.

Позади артиллеристы катили два орудия. В нескольких местах коротко рвануло — русские забрасывали гранатами подвалы и вообще подозрительные места. То и дело тархтели очереди.

— Сзади! — Вальтер развернулся. Баварец уже стоял у кухонного окна и улыбался:

— На заднем дворе танк и пехотинцы.

— Пересидим, — предложила Линда. В голосе у неё не было страха.

— Не выйдет, — Вальтер сглотнул, потом плюнул — слюна была чёрной. — Они же дома прочёсывать будут... Кто за то, чтобы сдать?

— Они нас убьют... — прошептал Готлиб. Глаза у него стали огромными и влажно дрожали. — Они убивают всех-всех пленных...

— Не убьют, если бросим оружие, — мрачно возразил Пауль.

— Ты бросишь? — с интересом спросил Генрих. Пауль промолчал, тоже сплюнул, спросил:

— Что будем делать, командир?

Вальтер не сразу сообразил, что обращаются к нему — а потом с испугом понял: да он же и правда командир! И по возрасту, и по званию... Испуг был мгновенным и так же быстро прошёл. Вальтер покусал щеку и спросил:

— Баварец, как тебя зовут?

Тот посмотрел с удивлением и вдруг улыбнулся:

— Зигфрид.
— Ну, вот и отлично... Сколько там человек? Сзади?
— Десятка два, — определил тот, выглядывая в окно. — Топчутся... кажется, подвал полезли проверять.

— Слушайте все, — Вальтер снял с предохранительного выреза затвор «эм-пи». — Видите брандмауэр?⁷ — все пятеро закивали, косясь в окно. — Он ведёт на соседний дом, а тот стоит наискось. Там русских быть не должно. Если всё сделаем быстро, то всё получится, уйдём по крышам...

Значит, слушайте. Линда, Готлиб, Ба... Зигфрид — выбирайтесь к брандмауэру. Заложите там. Генрих, бери два «фауста», я возьму другие два. Подожжём танк. Пауль, видишь бочки? В них если не газолин, то, во всяком случае, — пары. Бей по ним трассерами.

Во дворе начнётся бедлам, вы сразу перебегайте и прикроете нас, если они очухаются. Но я думаю, им будет не до этого. Всем всё ясно? — снова кивки. — Если всё сделаем быстро, — повторил Вальтер убеждённо, — то уйдём...

... — Ты сверху в башню, я в корму, — шёпот Генриха мягкой кисточкой щекотал ухо. — Если не хватит, добавляем ещё. У меня с «фаустом» хорошо получается...

Вальтер кивнул, удобней укладывая на плече трубу. Тут главное — попасть сразу, высунуться и попасть, не целясь, а то русские снизу расстреляют. Он посмотрел налево — Пауль стоял у соседнего окна, устроив ствол пулемёта на выщербленных кирпичках.

— Вальтер, — Генрих посмотрел на него, — мы с тобой росли вместе, всё такое. Если меня шарахнет, как Яна... или там ноги-руки... вы меня не таскайте. Ты просто пистолет возьми и застрели меня. А если потом окажется, что мама жива, ты ей скажи: я без вести пропал.

— Что ты несёшь? — сердито выдохнул Вальтер. — Ты...

— Не надо, Вальтер, — попросил Генрих, и Вальтер понял: правда не надо. И вместо сердитой ругани на спятившего друга попросил:

— Ну... ты тогда тоже.

— Ага, — Вальтер серьёзно кивнул, и они пожали друг другу руки. — А помнишь, как ты меня защищал от старших мальчишек, когда... вот и всё. Давай.

В окне над брандмауэром маячила фигура Зигфрида с поднятой рукой — он стоял в глубине комнаты, снизу его видеть не могли.

— Ты в башню, я в корму, — шепнул, напоминая, Генрих...

... Мальчишки выметнулись коленями на подоконник. Вальтер услышал, как Генрих пронзительно взвизгнул: «Хайль!» — и его оглушил двойной выхлоп «фаустов», начисто заглушивший отрывистый стук пулемёта. Бочки рванули, клубы чёрного дыма повалили во все стороны.

Он выстрелил ещё раз, потому что показалось — башня танка ворочается... но на самом деле это выбирался из носового люка горящий механик, и граната Вальтера попала ему в спину.

Кажется, Генрих выстрелил тоже — точно Вальтер не заметил, а в следующую секунду гитлерюгендовцы уже бежали по коридору, над их головами высекали крошку и с визгом рикошетировали пули. Пауль бежал последним, то и дело оглядываясь.

Они проскочили мимо лестницы... точнее — Генрих проскочил. Почти. Вальтер услышал чужую очередь, Генрих на бегу завертелся, побежал дальше, кувыркнулся через плечо, вскочил, завертелся снова и, упав на бок, заколотил каблуками ботинок по полу.

Вальтер не бросился ему на помощь. Не сразу, нет. Он сперва швырнул в пролёт гранату, а Пауль из-за угла начал поливать лестницу очередями — под прикрытием его огня Вальтер и проскочил.

На середине лестницы корчился, упираясь головой и коленями в пол, человек в чужой

⁷ Кирпичная стенка, строящаяся между зданиями в целях борьбы с распространением пожаров.

форме. Ниже лежали ещё двое, но ему это всё было неинтересно. Пауль, подскочив ближе, бросил вниз ещё две гранаты, сменил магазин и начал стрелять отвесно вниз, а Вальтер метнулся к Генриху.

— Мамочка, как больно!!! — изо всех сил закричал тот, вскидываясь. Живот у него был прострочен очередью, маскхалат дымился. — Я готов, Вальтер, я готов, господи! Сделай это! Вальтер, сделай это! Больно, Вальтер! Больно, мама! За что так больно?! Вальтер! Сделай же!..

Из-за угла выскочил Зигфрид:

— Скорее! — крикнул он. Вальтер нагнулся снова, чтобы волоочь Генриха — волоочь, несмотря на то, что я ему обещал... А дальше... дальше что-то...

Дальше он не помнил.

Западная Пруссия. Май 1945 года

Вольфганг Кран, Йохим Штубе, Тильдер Нойбах, Вольт Бринкер и Хайнц Отт

Майский лес был наполнен запахами весны, солнечным светом и пением птиц. Весело лезла вверх свежая зелёная травка на пригревах, и даже в сырых ложбинах всё напоминало о том, что на пороге у мира — лучшее время года. На пороге — лето.

На прогалине, под склонёнными узловатыми ветвями дубов, сидели люди. Сидели, привалившись к корявым стволам, вытянув ноги. Пятеро подростков 14-16 лет — в крепких ботинках на шнуровке, лыжных брюках и куртках с откинутыми капюшонами, надетых на чёрные свитера с высоким горлом.

Рослый, крепкий парнишка с решительным лицом, выглядевший постарше остальных, рассматривал разостланную на коленях карту. На груди у него висел бинокль, на ремне — эсэсовский кинжал и парабеллум в расстёгнутой кобуре, два подсумка рыжей кожи.

За ремень были заткнуты две штоковых гранаты на длинных рукоятках. У бедра лежал MP40 со сложенным прикладом.

Напротив него, положив поперёк колен грубо-разлапистый FG45 с изогнутым магазином, сидел, откинув светловолосую голову к дереву и с закрытыми глазами пожёвывая травинку, тонкий худощавый мальчишка.

Пистолета и подсумков у него не было, магазины торчали из карманов куртки, а на поясе висел складной нож в замшевом чехле.

Третий мальчишка — самый младший на вид — спал, свернувшись в комок, надвинув капюшон и почти судорожно обняв «фольсгевер» FG2, дрянную десятизарядку на самодельной перевязи.

Сзади на школьном ремне висели штык и осколочная граната, из кармана выглядывала рукоять отделанного серебром маленького маузера, какие носят офицеры Люфтваффе. Нет. Носили, пока Люфтваффе существовали.

Рядом со спящим стояли кучкой пять тощих рюкзаков. К ним была прислонена вторая FG2.

Четвёртый парень, стоя на коленях, аккуратно снимал пергаментную обёртку с хрусткого бинта (другой бинт — в пятнах, скомканный — лежал у его ног). Сзади на спине парня висел «стэн» — копия английского пистолет-пулемёта, до предела упрощенное детище последних лихорадочных месяцев.

Ремень оттягивали аптечная сумка с красным крестом, финка в красивых, расшитых бисером, ножнах, два подсумка и заткнутая за него граната. Короткий ёжик стрижки и растущие почти от самых бровей волосы придавали лицу парня угрюмое выражение, не вязавшееся с негромкими словами:

— Сейчас потерпи немного, хорошо? Я быстро.

— Я уже столько терплю, — ответил мальчишка, лежавший перед ним на самодельных носилках. Штаны у него были приспущены, в правом бедре чернела открытая рана. На фоне свитера лицо лежащего выглядело особенно бледным.

Когда бинт лёг на рану, мальчик крупно вздрогнул, лоб покрыл мгновенно выступивший пот. Закусив губу, он прикрыл глаза и тихо, отрывисто спросил: — У меня гангрена? Скажи правду.

— Да какая гангрена, — ловко бинтуя рану, «санитар» ободряюще подмигнул. — Просто сложная рана. Давай глаза не открывай, поспи. Без тебя не уйдём.

— Лучше бы ушли, — раненый не выдержал и застонал. Оборвал стон и продолжал: — Ну, зачем я вам? Я же обуза. Оставьте меня, отлежусь и выберусь куда-нибудь.

— Вольфи, слышишь, как он голос подаёт? — «санитар» укоризненно покачал головой. Не отрываясь от карты, старший отозвался серьёзно:

— Да он просто дезертир. Отлынивает путём ранения. Ты давай ставь его на ноги, Тилле.

— Ты у нас ещё бегать будешь. Слышишь, Вольт? — Тилле потрепал раненого по щеке. Тот слегка повеселевшим голосом оттаялся:

— Ну, тебя, тупая баварская свинья.

— Заткнись и спи, прусский кретин, — так же дружелюбно ругнулся Тилле, поднимаясь на ноги. Проходя мимо Вольфи, он покачал головой в ответ на вопросительный взгляд...

...Две недели назад, 28-го апреля, пробивавшаяся к Берлину пехотная дивизия «Гаудинер» была разгромлена во встречном бою частями 47-й советской армии.

Остатки одного из батальонов гитлерюгенда рассеялись у Руппинер-канала — большая часть ополченцев была уничтожена, взята в плен или просто разбежалась.

Около полусотни ребят сумели выйти из кольца и двинулись в направлении Мюритц-зее, где оставались войска генерала Хейнритци — группа армий «Висла» — по пути нападая на противника на фермах и дорогах.

9 мая радио на одной из ферм, где они ночевали, сообщило о том, что война в Европе закончена полной капитуляцией: Шёрнер сдал в Праге последние организованные немецкие войска.

Это известие словно выдернуло некий стержень из большинства гитлерюнге. Они хорошо сражались, они отказывались складывать оружие, как большинство старших ополченцев, потому, что верили — армия сдаться не может.

Мало кто из них верил в чудесное спасение или чудо-оружие — слишком много уже их было, этих обещаний. Но АРМИЯ?!

Из сорока двух человек, ночевавших на той ферме, тридцать один сложили оружие прямо во дворе. Уже не солдаты, а напуганные, надломленные дети, стремящиеся лишь к одному — попасть домой, домой, что бы их там не ждало.

Тем более, что, если совсем честно, русские оказались не такими уж страшными оккупантами, как ожидалось — мальчишки имели возможность наблюдать их вблизи. Большинство гитлерюнге были пруссаки, дом — недалеко...

Вольфганг Кран, сын погибшего в Варшаве офицера, командовавший отрядом во время одиннадцатидневных скитаний, сперва схватился за оружие, но почти мгновенно остыл. Просто махнул рукой, плюнул и ушёл в дом с теми десятью, которые решили драться. По разным причинам.

Кто-то потерял на войне столько и стольких, что уже физически не принимал мысли о сдаче врагу. Кто-то воспитывался всю жизнь так, что не принимал мысли не о сдаче, а о самой жизни в иной Германии.

Кое-кто по-прежнему наивно и по-детски мечтал о военных приключениях и подвигах. Кое-кем двигала личная преданность боле старшим и решительным товарищам, родившаяся ещё в играх...

Вольфи увёл дальше на северо-запад свою десятку. Увёл на смерть, потому что

никакой победы уже не могло быть. В тот же день они расстреляли на шоссе штабной «виллис», а к вечеру подожгли танк, ремонтировавшийся на обочине, и перебили экипаж.

Раненый танкист, подпустив их ближе, застрелил одного из парней раньше, чем был добит. На следующий день, не удержавшись — шёл проливной холодный дождь — зашли пересидеть на ферму, хозяин которой был дядей одного из мальчишек.

Этот самый дядя и привёл русских. В яростном бою пятеро гитлерюнге были убиты. Остальные ушли в лес, унося с собой раненого...

Их оставалось пятеро. Вольфганг Кран — Вольфи, шестнадцатилетний сын офицера вермахта.

Его друг и ровесник Йохим Штубе, вся семья которого погибла при бомбёжке — Йо.

Тильдер Нойбах — Тилле, санитар и единственный не-пруссак, пятнадцатилетний беженец с востока, навидавшийся за последний год всякого.

Вольт Бринкер — тоже пятнадцатилетний парень, раненый в бою на ферме и носивший в кармане куртки потрёпанное иллюстрированное издание «Песни о Нибелунгах».

Самый младший в отряде — четырнадцатилетний Хайнц Отт — «Хассе», привязанный к Вольфи и Йо, как хорошая собака.

Ещё у них были галеты, шоколад и несколько банок консервов.

* * *

— Что будем делать дальше?

Вольфи остриём кинжала начертил на мокрой земле свастику. Подрезал её, перевернул. Вытер кинжал и убрал его в ножны. Йо выплюнул травинку и повторил вопрос:

— Что будем делать дальше?

— Что-то неясно? — хмуро спросил в ответ Вольфи. — Или ты испугался?

— Смертельно, — согласился Йо и, открыв глаза, легко поднялся. Понизил голос: — Хассе надо отослать. У него мать и сестра живы. И Вольта оставить — где угодно. Мне кажется, русские его не тронут. Ну, а мы попробуем ещё...

— Я думал — скажешь и нам разойтись, — ровно ответил Вольфи. Йо удивился:

— Куда нам уходить? Некуда, дружище. Куда со своей земли уйдёшь... Так что?

Вольфи ожесточённо хлопнул о колено картой и снова развернул её. Молча.

Хассе зевнул, сонным движением откинул капюшон, сел и потянулся, улыбнувшись всем вокруг и всему вокруг — так радостно и светло, что остальные невольно улыбнулись в ответ.

— Доброе утро, — радостно сказал он, укладывая винтовку на колено. — А я голодный. Я сейчас умоюсь и можно будет поесть?

— Можно, — Вольфи поднялся на ноги. — Пошли, поговорить надо.

Хассе хлопнул глазами, но послушно поднялся и пошёл за Вольфи к ручью, тихо журчавшему за кустами. Тилле, перебиравший в сумке остатки медикаментов, поднял голову и проводил их печальным, понимающим взрослым взглядом...

— Сдай оружие и уходи, — закончил Вольфи. Губы у Хассе давно прыгали, он моргал и кривился. И сейчас дрогнувшим голосом сказал:

— Не отдам... За что ты меня?

— Уходи, придурок, — тихо ответил Вольфи. — Уходи.

— Не уйду, — покачал головой Хассе.

— Уйдёшь, — многообещающе сказал Вольфи. — Я тебя излуплю так, что тебе останется только уйти.

— Бей, — со слезами сказал Хассе. — Бей, как хочешь, каждый день бей, только разреши с вами.

Вольфи качнулся вперёд и положил руки на плечи младшего:

— Глупый, — тихо и ласково сказал он. — Уходи же. У тебя дом, мама, сестричка... Уходи. Мы уже все мёртвые, а ты ещё можешь...

— Что могу? — Хассе посмотрел мгновенно высохшими глазами. — А, могу. Сдать оружие, уйти могу... А вот... — он быстро сунул руку в карман. — Тоже сдать? Это сдать,

да?

На серебряной пластинке, врезанной в рукоять небольшого пистолета, было написано готической вязью:

МАЙОРУ КРОЙЦЕ ОТТУ — ЗА ХРАБРОСТЬ И ВЕРНОСТЬ РЕЙХУ, ЛЮФТВАФФЕ И БОЕВЫМ ДРУЗЬЯМ

— Сдать? — требовательно спросил Хассе. — И домой уйти, да? Приказывай, давай, давай, давай! — из глаз у него вдруг брызнули слёзы, и Хассе закричал: — У меня, может. Только этот пистолет остался — и всё! Обо всём, для всего... я... а ты... я... — он захлебнулся, и Вольфи, морщась, отвернулся, слушая, как Хассе всхлипывает. Потом, не поворачиваясь, бросил:

— Хватит, перестань. Не пинками же тебя гнать, дурака.

— Вольфи, спасибо! — обрадовано крикнул Хассе — так, словно его наградили подарком.

— Умойся, гитлерюнге, — сурово приказал Вольфи, кладя руку на висящий на бедре МР. — И пошли есть. В самом деле пора...

... — Вольт, тебя оставим на одной из ферм, — Вольфи хрустнул галетой. — На первой ферме. Какая будет.

Лицо Вольта стало испуганным, он приподнялся на локте. Растерянно спросил:

— Почему? Я...

— Ты ранен и просто обуза для нас, — жёстко сказал Йо. — Мы собираемся воевать дальше. Десять секунд помолчи и подумай. И скажи, что нам с тобой делать.

Стало тихо. Вольт переводил взгляд с одного лица на другое. На его скулах выкатились желваки, и мальчик отрывисто сказал:

— Да. Меня надо оставить. И будь всё проклято.

— Ну и всё, — Вольфи хрустнул галетой. — Сейчас и пойдём...

...Русская колонна прошла без боевого охранения. Солдаты сидели и лежали в грузовиках — отложив оружие, в расстёгнутых гимнастёрках или рубашках, они смеялись или пели странные, длиннословные песни, то грустные, то лихие, с присвистом... но одинаково чужие и страшные на этой земле, под прозрачным майским небом Германии.

Мальчишки провожали удалявшийся в тучах пыли хвост колонны взглядами волчат, спасшихся из разорённого логова. Наконец Йо перевернулся на спину, положил автомат на грудь и тихо сказал:

— Они считают себя победителями.

— Они и есть... — Вольфи осекся и, опустив голову на скрещённые руки, сухо приказал: — Всем спать. Вечером пойдём на ферму...

...Вокруг все спали. Вольт бездумно следил за тем, как над лицом Хассе, сплетая паутинку, суется паук. Мальчишка смешно морщил нос, словно собирался чихнуть. Садилось солнце, и паутинки блестели алым.

Нога почти не болела. И не чувствовалась. Вольт подумал равнодушно, что ему её, наверное, отрежут. В любом случае. И что дальше? Как он будет жить в той, другой, Германии? Да и будет ли она — Германия?

— Германия, — тихо сказал он вслух и снова посмотрел на садящееся солнце. Потом достал из кармана книгу, бережно перелистал потрёпанные, зачитанные страницы. Он не мог без гордых слёз читать строки «Песни...» — и стыдился этого, и скрывал эту щемящую гордость.

Зигфрид, герой в крылатом шлеме, смотрел с иллюстрации на мальчика. Вольт осторожно отложил книгу. Ещё раз посмотрел на спящих товарищей.

Ему отрежут ногу. А если бы и не отрезали — кем он будет? Чем будет заниматься? Как будет жить он — побеждённый — в побеждённой стране, где законом станет воля победителей? Он будет хромать по знакомым улицам на костыле и, может быть, солдаты в чужой форме станут его подкармливать...

Нет, он не был зол на русских. Они победили честно. Они не разрушали с неба городов

и не сжигали фосфором и напалмом женщин и детей. Но сражаться с ними Вольт больше не мог. А жить побеждённым — не хотел.

Всё, чему его учили все пятнадцать лет, всё, во что он верил, всё, чем он дорожил — сопротивлялось самой возможности такого исхода.

Вольт сунул руку в карман штанов и, достав маленький плоский «маузер» VTP-3, вздохнул, закрыл глаза и быстро выстрелил себе в рот.

* * *

Вольт приснился Вольфгангу под утро. Погода перестала быть майской, лил унылый бесконечный дождь. Вчетвером, сбившись в кучу и накрывшись двумя плащ-палатками, они спали в гуще кустов недалеко от дороги, по которой всю ночь шли машины.

Все прошлые сутки они шли и шли пешком, прошли не меньше пятидесяти километров. Останавливаться было нельзя — перед этим они подожгли два бензовоза на шоссе.

И только когда ноги окончательно отказались их нести, они заползли в эту чащу и уснули. Беспробудно, так, что даже промокшие плащ-палатки и сырая одежда не могли их разбудить.

Хотя сперва Вольфганг думал, что проснулся. Он шёл и шёл по мокрому лесу — один. Не мог понять, что случилось и где остальные ребята.

Потом впереди мелькнуло солнце, и мальчишка выбрался из чащи на опушку, на озёрный берег. Сияло солнце, было жарко, а на большой коряжине, вросшей в песок, сидел и улыбался Вольт.

В этот момент Вольфганг понял, что видит сон. Вольт был совсем не такой, каким они его зарыли — белый, неподвижный, с затылком, испачканным мозгом и кровью.

Он был живой и он улыбался, глядя на своего командира. Волосы Вольта были мокрыми, но от воды — он недавно искупался. Всё его снаряжение, вся одежда, кроме спортивных трусов, лежали и висели на той же коряге.

— Привет, командир, — сказал Вольт, не переставая улыбаться.

— Привет, — Вольфганг подошёл к нему и сел. Только теперь ощутил, что от него самого пахнет мокрым металлом и отсыревшей тканью. Запах был тяжёлый, не летний. Что ещё говорить, он не знал. Но Вольт и не ждал слов.

— Вам надо уходить, — сказал он, перестав улыбаться. — Они идут по вашим следам. Через два часа вас окружают. Вы, конечно, всё равно попадёте сюда... но это очень страшно — умирать, — короткая улыбка была невесёлой, хотя и яркой. — Я встречу вас, вы только быстрее идите.

— Куда? — безмятежно спросил Вольфганг.

— Вы поймёте, — Вольт всем телом повернулся к Вольфгангу. — Быстрее. Иначе — смерть...

...Вольфганг проснулся.

Плащ-палатка протекала прямо на лицо. Но это было неважно. Обострённым чутьём дичи мальчишка ощутил — уже недалеко по лесу рыщут те, кто должен их найти.

— Йо, — он толкнул локтем Штубе.

Йохим проснулся мгновенно:

— Да? — услышал Вольфганг тихий шёпот.

— Вставай, поднимайте всех. Надо очень быстро уходить.

— Куда? — Йохим уже толкнул ещё кого-то, в мокрой темноте завозились.

Вольфганг вздохнул. Он ощущал себя идиотом... но в то же время твёрдо знал, что поступает единственно правильно:

— Сейчас разберёмся.

Вальфрид Райхен и Фредерик Лёме

Пять дней они шли по степи. Степь была огромной, ровной и безмятежной. Тут

неохотно наступала ночь, и закат длился почти до рассвета, а в короткий промежуток голубоватая луна делала высокий ковыль серебряным.

Днём было очень жарко (и ночью не намного прохладнее), и они шли в нижних рубашках, закатав штаны и привязав всё остальное зимнее снаряжение к поясам. В степи били роднички — они набрали на семь, все они оказались ухожены — так что, можно было напиться.

И даже унести с собой воду — возле первого родничка молчаливый седой мужчина в охотничьем снаряжении подарил мальчишкам большую двухлитровую флягу в белом полотняном чехле.

Они встречали людей несколько раз. Разных. То как будто сошедших со страниц исторических книг, а зачастую — совсем непонятных, невероятных.

Но все люди были спокойными и добрыми, хотя почти все носили оружие, а многие — и военную форму; делились едой, ни о чём не расспрашивали, без слов позволяли заночевать у костра. И говорили на разных языках.

Это было необычно и даже немного пугало — мальчишки чувствовали, что языки разные, но понимали их, как родной немецкий.

О том, что случилось с ними, ни Вальфрид, ни Фредерик не говорили с самого первого дня.

Тогда Вальфрид пришёл в себя, лежащим ничком в траве. Ничего не понимающим. И первое, что он сообразил — плачет Фриди.

На четвереньках — вставать было страшно почему-то — Вальфрид разыскал друга. Тот лежал совсем недалеко, тоже ничком, вцепившись в землю. Вальфрид затряс его за плечи, и Фриди сел — а Вальфрид отшатнулся, заглянув в его глаза.

И почему-то понял, что произошло, как будто увидел это воочию: когда его сорвало с крыши рушащегося дома потоком горячего воздуха, втягиваемого в пламя чудовищного пожара — тогда Фриди провалился внутрь.

Парнишка наделся животом на стальную арматуру, как жук на булавку — и почти десять минут умирал над пылающей ямой, зажариваясь заживо. Этот-то ужас и стоял всё ещё в его глазах, когда Вальфрид задал первый вопрос:

— Где мы?!

Они встали, держась друг за друга. И закачались — такой кругом был простор...

* * *

К реке они вышли в середине шестого дня. Огромная и спокойная, она чем-то напоминала степь позади. На том берегу начинался лес — густой, непролазный даже на вид. И вот, стоя на высоченном обрыве, Фриди спросил:

— Валли... а что с нами случилось?

Вальфрид повёл уже прочно загоревшимися плечами. Ответил спокойно:

— Я так думаю — мы умерли.

Рот Фриди приоткрылся:

— Умерли? — жалобно спросил он и оглядел себя.

— Угу, — Вальфрид кивнул. — Сгорели, когда ОНИ разбомбили Дрезден.

— Валли... — Фредерик помедлил. — Валли, а может, мы спим?

— Вряд ли, — задумчиво ответил Вальфрид. Фриди ещё жалобней сказал:

— Но так не бывает.

— Угу, — снова кивнул Вальфрид. — Знаешь, что? Я последний раз купался в середине сентября. И всю зиму мечтал окунуться в речку. Пошли?

Несколько секунд Фриди смотрел на друга, как на опасного сумасшедшего. Потом хихикнул:

— Пошли, только надо найти спуск. Интересно, тут есть?..

...Вода в реке оказалась прохладной и чистой — стоя по горло на песчаном дне, можно было легко видеть свои ступни. Как и все нормальные мальчишки, Валли и Фриди оповещали округу о своём купании диким воем и гоготом — просто для обозначения

жизнеутверждающей позиции.

Тем более, что тут не было ни муниципальных сторожей, ни «отведённых для купания мест», ни грозных надписей о том, что «купание в обнажённом виде запрещено» — короче, ничего из того, что сильно портит жизнь мальчишке на «цивилизованной» реке.

Посередине реки прошлёпал колёсный пароход. Мальчишки с удовольствием покачались на волнах. Потом, не сговариваясь, поплыли к берегу и, растянувшись на горячем песке, ощутили, что хотят есть.

От последней встречи остались несколько сухарей, которые тут же были съедены. Заглушив голод, ребята снова повалились на песок. Вальфрид просто лежал, а Фриди лениво пересыпал сухие серые струйки в пальцах. Потом спросил:

— Ну а всё-таки — где это мы?

— Не знаю, — искренне и почти равнодушно ответил Вальфрид. — Может, это рай?

— Не похоже, — деловито возразил Фриди. — Я всё ещё хочу есть.

Они посмеялись.

— Ну и не ад во всяком случае, — Вальфрид потянулся. И добавил угрюмо: — Из ада мы выбрались.

Фриди быстро посмотрел на друга. Шевельнул губами. Вальфрид сказал:

— Не надо спрашивать. Все сгорели. Все. И мы тоже. Только с нами что-то... что-то ещё случилось.

Фредерик промолчал.

Через полчаса, держа одежду в охапку, они шагали по кромке между водой и узким пляжиком — по мокрому песку. Справа высился берег — как стена невиданной крепости. Далеко впереди река делала поворот. Мелкая волна плюхала о песок и смешно, щекотно вытаскивала его из-под ног мальчишек.

— Дойдём до поворота и попробуем половить рыбу, — предложил Вальфрид. — Неохота подниматься обратно в степь.

— А леску где возьмём? — поинтересовался Фриди.

— Мою шапку распустим. А на крючок — вон, за колку.

— А может, попробуем переплыть — и в лес? — предложил Фриди. — Помнишь, как нас учили делать ловушки?

— Тут километра три, — прикинул Вальфрид. — Надо плот делать.

— А вон сколько топляка. Поплывём?

— Ну, давай. Только всё равно давай дойдём до поворота.

— Ладно...

Разговор был беспечным и медленным, как река. Но, когда мальчишки почти дошли до поворота, Вальфрид вдруг задёргал ноздрями:

— Костёр...

— Точно, — Фриди тоже принюхался. — Там вон.

Теперь они оба различали, что над глинистой осыпью, съехавшей в воду, поднимается прозрачный дымок.

Быстро натянув штаны, мальчишки оставили прочее барахло на песке и вскарабкались на кучу глины. Наверное, слишком шумно — когда они показались на верху, то тот, кто жёг костёр, уже смотрел на них.

Тут оказался большой прочный шалаш из топляка и степной травы. На стояке у входа висела какая-то одежда. Возле шалаша и горел костёр. А у костра сидел на корточках и безбоязненно смотрел на парней мальчик лет 10-12 — загорелый, длинноволосый, он что-то ворочал в золе прутиком.

— Хотите ракушек? — спросил он.

И Вольфганг с Фредериком ощутили — он спросил это по-немецки.

Ялмар Руст и Айнс Дитмар.

Айнс набрал на побережье ракушек. Нет, не потому, что он был голодный. Кое-что из принесённого в прошлые дни Ялмаром ещё оставалось в шалаше. Просто ракушки они пекли с Гюнтером там, на Земле. А тут были почти такие же.

«На Земле» — так называл про себя эти места Айнс, хотя это не было похоже на Марс или Венеру из фантастической книжки. Он как-то спросил Ялмара — на третий или четвёртый день после того, как они попали сюда — как он думает, что это за место.

Они как раз сидели вечером у костра, а в такие минуты легко спрашивается. Ялмар сказал, что не знает. И, помедлив, спросил, не хочет ли Айнс обратно. Что это, наверное, можно — главное, вернуться туда, в степь, к старому колодцу, около которого они оказались.

Айнс помотал головой. Тут ему было спокойно. А там... если бы там была жива мама... Но там остался только страх. Айнс не хотел обратно.

Он не испугался и когда они попали сюда. Ялмар испугался, смешно — большой, сильный, вооружённый, он буквально рухнул в траву и сидел, вздрагивая и непонимающе оглядываясь. А Айнс сразу ощутил, как тут спокойно.

Сначала Ялмар хотел вернуться. Он просто взял и исчез... но через миг появился снова и буркнул: «Ладно... пусть. Разберёмся». Но всё-таки исчез ещё раз — и вернулся со старой сумкой, набитой консервами.

За тот — первый — день они дошли до реки, спустились на берег...

Тут Айнсу понравилось ещё больше. Они с Ялмаром построили шалаш (Ялмар строил, Айнс помогал) — хороший, надёжный, как дом. На берегу было много сухих дров. Можно было купаться, сколько угодно, ходить босиком и играть.

Иногда играл и Ялмар — в догонялки на суше и в воде, тоже строил на берегу из сырого песка крепости. Потом словно бы спохватывался, серьёзnel, но проходило время — и снова включался в игры Айнса. А если он и не играл — то и одному было неплохо.

Потом Ялмар стал уходить. Он нашёл какую-то деревню (звал Айнса с собой, но тому не хотелось) и там работал. Деревня, по словам Ялмара, была странная — не здесь, не в степи и не на берегу; подняться на откос, пройти до небольшого холма — и очутишься на берегу, но не речном, а вроде бы морском.

И там двадцать минут до деревни. Поработаешь — и еда. А что странно... так здесь всё странное. Например — воздух. Иногда он пел. По-настоящему — пел песни, как патефон или радио...

...Конечно, нечестно было, что Ялмар работает один, поэтому Айнс соорудил себе удочку. С рыбой ему везло, он таскал окуней, карпов, даже небольших щучек, и это не наскучивало и не занимало много времени. А вот сегодня набрал ракушек.

Они были уже почти готовы, когда Айнс услышал, как по откосу лезут люди. Он не испугался и не удивился. И, когда появились двое мальчишек — примерно ровесники Ялмара, полуголые и загорелые — предложил им ракушек.

Удивился он, когда выяснилось, что ребята тоже немцы. Они хотели есть, Айнс гордо накормил их и между делом это и стало понятно. Немцы из Дрездена. Как они попали сюда и что с ними случилось — Айнс не очень понял, да они и сами, похоже, не слишком понимали, хотя и старались объяснить.

А вот когда упомянули про Дрезден — Айнс сразу сказал, что Ялмар — он тоже живёт тут и скоро придёт — из Дрездена.

— Ялмар?! — тот, которого звали Вальфрид, подался вперёд. — Ялмар?! А его фамилия — Руст?!

— Не может быть, — негромко заметил второй, Фредерик.

— Ой, а я не знаю... — признался Айнс. — Но он скоро придёт...

— Он что, тоже умер?! — не мог успокоиться Вальфрид.

Айнс насторожился:

— А почему тоже... вы разве... — он захлопал глазами, и Фредерик сказал:

— Ну, что ты его пугаешь. Придёт этот Ялмар, разберёмся, этот или не этот.

— А вон он идёт! — обрадовался Айнс, показывая на край обрыва, где появился

человек. — И не один... — удивлённо закончил мальчишка.

— Да, — странным голосом — то ли со смехом, то ли с истерикой — согласился Вальфрид. — Не один.

По тропе с откоса спускалась целая компания — шестеро мальчишек и девчонка. Все — с оружием. Один парень пёр на хребте ручной пулемёт. Впереди, о чём-то вовсю дискутируя, шагали двое... но на половине спуска один из них заторопился, зашпешил.

Айнс побежал навстречу, потом ойкнул и опрометью метнулся обратно в шалаш, вскрикнув: «Девчонка!» — и стал стремительно одеваться. Быстро спускающийся парень засмеялся... но потом перестал, сбил шаг... ускорил его и побежал, крикнув:

— Валли! Фриди!

— Он, — Фредерик медленно поднимался с песка.

— Это уже совсем... — начал Валли, но не договорил и тихо спросил: — Может, и Магда... здесь?

* * *

Каждый гитлерюнге худо-бедно умеет работать на земле и ходить за скотом⁸. Ялмар не был исключением. Поэтому, когда он первый раз вошёл в деревню, то сразу же свернул к первому покосившемуся забору.

Старик, сидевший на лавке с глиняной трубкой в крепких ещё зубах, посмотрел на подошедшего босого мальчишку в коричневой странной рубашке и подвёрнутых чёрных штанах, подпоясанных крепким ремнём с блестящей пряжкой, на котором висел хороший нож.

Ялмар руками объяснил: давай поправлю, за еду? Старик помотал головой, но потом что-то сказал. Ялмар пожал плечами. А старик поднялся со вздохом, поманил мальчишку за собой и отвёл на огород.

Показал картофельные грядки — окучишь? Ялмар пожал плечами — почему нет? — и жестом попросил лопату.

К вечеру он вернулся к Айнсу с двумя копчёными рыбами и пол-караваем хлеба. Очень боялся, что не сможет найти обратную дорогу — но речной берег возник сразу за тем холмом, как по волшебству. Или правда — по волшебству?..

...В деревне к Ялмару быстро привыкли. Называли, правда, на свой манер — «Ильмар», но не всё ли равно? Зато часто сами зазывали помочь и никогда не обижали с платой, щедро делясь однообразной едой — рыба, картошка, яблоки, серый вкусный хлеб...

В деревне жили неспешные, обстоятельные и нелюбопытные люди, промышлявшие сплошь рыбной ловлей да тем, что росло на небольших полях и огородах (в лес почему-то почти не совались). И кто такой этот мальчишка, что он тут делает и где живёт — никого в общем-то не интересовало.

Языка не знает? Ну и что? Несколько раз Ялмару предлагали перебраться «под крышу», но он качал головой — и никто не настаивал: верно, парню виднее, как жить...

Правда, местные мальчишки «для порядка» задирали «пришлого» и пару раз пытались поколотить его. Но очень быстро поняли, что Ялмар-Ильмар умеет драться намного лучше любого из них — это было именно умение, привлекательное и страшноватое даже.

А нападать скопом на одного было не по правилам. Может, они бы даже подружились с Ялмаром, но он сам не очень стремился к общению. Работал семь-восемь часов и с едой уходил туда, к Айнсу. Опасался, что младший мальчишка заскучает, но тот даже ни разу не попросил Ялмара взять его с собой.

Зато встречал всегда с искренней радостью, нёсся навстречу и взахлёб рассказывал о том, что случилось за день. Вот странно: Ялмару казалось, что там ничего и случиться-то не может (потому он и за младшего не беспокоился). Однако тому хватало впечатлений.

⁸ В программу «Гитлерюгенда» входил, так называемый, «сельскохозяйственный год», когда городские мальчишки в обязательном порядке много времени проводили на фермах, учась крестьянской работе. Должен сказать — полезная вещь...

А потом... потом случилось то, что случилось.

* * *

Он почувствовал дым издалека. И ощутил, как тяжело стукнуло сердце. Горел дом. Он хорошо знал этот запах, он хорошо запомнил его. Он не забывал его, даже если думал, что забыл и надеялся, что забыл.

Ялмар прижал локти к бокам и побежал. Он надеялся, что это всего лишь пожар...

...Их было пятеро. Верховые, с карабинами — так объяснили Ялмару, с короткими винтовками. Они проехали через лес по какой-то тропе. Бандиты.

Из тех, что не умеют или не хотят жить своим трудом, но достаточно наглы, чтобы отбирать плоды труда чужого. И они увезли с собой двух девушек, а дом, в котором жила одна из них, сожгли, не дав выйти оттуда её отцу, матери и двум младшим братьям.

Ялмар до этой поры ни разу не спросил, не поинтересовался — а что вообще вокруг за мир, какая тут власть, что вообще происходит за пределами этой песчаной косы между лесом и морем? Сейчас было поздно расспрашивать.

Он уже неплохо понимал язык (похожий чем-то на польский), даже говорил на нём, хотя и мало. И сказал про власть, про полицию. Его не поняли.

Потом старик — тот самый, которого Ялмар первым встретил в деревне — пожал плечами и сказал что-то вроде — Ялмар не совсем понял — что власть была когда-то раньше, когда он был совсем маленьким; он помнит, что за лесом стоял завод и был небольшой город, но потом началась и закончилась война. Большая война...

— Давно, — пояснил старик, как и прежде, посасывая трубочку. — Может, шестьдесят лет назад, может — больше. Я уже не помню. И бандиты сперва приезжали часто, потом — реже и реже, а последние пять лет были всего четыре или пять раз...

— Почему... — Ялмар мучительно подбирал слова. — Их мало. Вас много. Почему вы отдали им еду и девушек, почему позволили жечь? Почему не убили их? Они плохие люди.

— А... — старик тяжело и безнадежно махнул рукой. — Никто из нас не умеет убивать людей. Даже плохих.

Ялмар задумался. Глаза его похолодели, и он сказал:

— Я умею.

Сказал на родном языке, его не поняли. Но это ему и не было нужно...

...Он нашёл банду на привале в лесу, всего в двух часах ходьбы от деревни. Нашёл по шуму и по запаху костра. Их и правда было всего пятеро — заросшие, в каком-то дранье, но с оружием — с карабинами и с револьверами. Тут же бродили и щипали редкую траву лошади. Бандиты что-то ели и явно выпивали.

Обе девушки сидели связанные возле нескольких мешков, сваленных у корней огромной ели. Одну из них Ялмар узнал — он несколько раз работал у них на огороде. У неё были мать, отец, двое младших братишек, помладше Айнса, шустрые и шумные... Так это её семья?!

Никто из пятерых не успел даже привстать. Ялмар скосил их одной длинной густой очередью. Потом — ещё раз и ещё раз полоснул крест-накрест корчащиеся у огня уже мёртвые тела. Не из злости. Для того, чтобы — наверняка.

Потом, закинув за спину МР, он пошёл, доставая нож, к девушкам. И увидел — они боятся его. Тогда он, разрезая верёвки, начал смеяться. Он смеялся тихо и весело. И, когда разрезал последний виток, услышал за спиной:

— Что тут за пальба, брат?

Это было сказано по-немецки. Ялмар обернулся неверяще, выпустив нож.

Около лошадей стояли шестеро. Пятеро парней (один держал на плече пулемёт) и девчонка с сумкой Красного Креста на боку. Под маскахалатами видна была знакомая коричнево-чёрная форма «гитлерюгенда». Все шестеро тяжело дышали — после бега.

— Вы немцы?! — не веря своим глазам и ушам, Ялмар поднялся с корточек, забыв про всё на свете. И увидел, что все шестеро точно так же обомлели:

— А ты? — спросил один из них.

Готлиб Вегенер, Зигфрид Корн, Пауль Рауше, Генрих Тойзен, Линда Вильмонт и Вальтер Сеньци

Где я? Что со мной?

Какое высокое-высокое небо, утреннее, свежее, чистое, без дыма... Последний раз он видел такое давным-давно, так давно, что даже не вспоминается, когда это было. Шум... Что это за шум? Ах, чёрт, это шумят деревья, кроны деревьев на ветру.

Ему всё приснилось. Не было никакой войны, никаких бомбёжек, никаких пожаров, никакой стрельбы на улицах родного города. Он просто задремал на поляне, где остановился на отдых их отряд. Вот и всё.

Вальтер прислушался, надеясь услышать голоса ребят. Но услышал только деревенски-изошрённую ругань Пауля, поминавшего господа бога, святую Марию, свиней, собак, кошек и их дерьмо.

Голосов остальных не было слышно, и Вальтер сел, тут же крепко зажмутив глаза — закружилась голова. Переживая головокружение, он слышал только, как Пауль орёт:

— Господи боже мой, Вальтер, скажи мне, ради Христа, свиньи летают?! Ты мне только скажи, свиньи летают?!

«Сошёл с ума! — остро обожгло Вальтера, он открыл глаза и обречённо подумал: — И я, кажется, тоже...»

Он сидел на гранитном буроватом валуне, похожем на крышку стола. За спиной шумели сосны — высоченные, головокружительные, стройные.

Спереди, совсем близко, земля обрывалась — валун лежал точно над обрывистым берегом, за широченной спокойной рекой открывался лес: лес без конца, без края, нигде ничем не прерывавшийся, в конце концов таявший в синей дымке, сливавшийся с небом. В речной глади отблёскивало солнце.

— Вальтер, свиньи летают, или нет? — хнычущее, совершенно не похожее на себя, спросил Пауль. Он сидел около валуна, сжимал пулемёт и совершенно безумным взглядом смотрел в небо. Вальтер чисто машинально проследил направление его взгляда — и вскрикнул.

Над лесной опушкой парили две свиньи.

Ну, нет, слава небесам — это сперва Вальтеру показалось, что это свиньи. Скажем так: существа были похожи на свиней — розовые, с пятчиками... Но свиньи не умеют так поджимать лапы. Да и не такие они длинные у свиней. И головы немного не такие, а уж крыльев и вовсе не имеется.

Если бы Вальтер в самом деле увидел летающих свиней, то и правда решил бы, что сошёл с ума, но это определённо были не свиньи, а просто что-то очень похожее. Он сполз с валуна, потянув за собой МР, тряхнул за плечо Пауля и сказал:

— Заткнись, это не свиньи. Ну, слышишь?! Не визжи! Сам, как поросёнок...

Пауль моргнул, сглотнул, кивнул:

— Да. Да, точно... А где мы? И остальные где?

— Не знаю, — искренне ответил Вальтер и сел рядом. Помолчав, спросил: — Ты что помнишь?

— Ну... я... — Пауль потёр лицо. — Был бой. Ты потащил Генриха... он орал... а я стрелял вниз с лестницы. И всё. Больше ничего не помню... — он осёкся и посмотрел на Вальтера большими глазами: — Что с нами случилось?!

— Не знаю, — Вальтер встал, поправил ремни. Повторил: — Не знаю... Давай поищем наших. Вдруг они тоже... здесь?

— Да где «здесь»-то? — Пауль нервным жестом раздёрнул ворот маскхалата. — Куда мы попали-то?!

— Не знаю! — огрызнулся уже с досадой Вальтер. Он и сам ничего не мог понять, совершенно, хотя в мозгу одна за другой, сталкиваясь и налезая друг на друга, пронеслись

множество версий.

Одной из них было, что это — рай и они просто-напросто умерли.

Мальчишки, увязая тяжёлыми ботинками в песке, поднялись на отлогий склон и вошли в сосняк. Их тут же окутал ровный шум, смешанный с запахом сосен и лучами солнечного света. Пауль приоткрыл рот и вдруг обронил:

— Кра-си-во-о...

— Красиво, — зачарованно подтвердил Вальтер. — Как на побережье...

— Может, мы там? — тут же оживился Пауль.

Вальтер молча пожал плечами. Он не знал. Даже если и там — как мы туда попали, вот в чём вопрос-то. Не где, а как, вот что главное... Да и вряд ли на побережье Балтики есть летающие свиноподобные твари...

Пауль, кажется, более-менее пришёл в себя. Во всяком случае, он заткнулся и стал прежним — молчаливым и насторожённым. Ну, что ж, он прав. В конце концов, на побережье сейчас русские и англичане, выбирай, кого хочешь. И Генрих...

При мысли о друге сердце больно стиснуло. Погиб, и даже не похоронить его. А может, они и правда все погибли? Тогда Генрих должен быть здесь.

И Вальтер увидел Генриха. Он стоял на колене возле бесшумно крутившегося в песке у корней сосны родничка. Положив «маузер» стволом на колено и не снимая с него руки, старый верный дружище пил с ладони, то и дело зыря по сторонам.

Это было до такой степени дико, что Пауль издал какой-то неопределённый испуганный звук, а Вальтер замер, как громом поражённый.

— Господи, — выдохнул он, наконец, — этого не может быть...

Тем временем Генрих, вскинувшись и округлив глаза, развернулся на колене и едва не бабахнул в старого друга. Потом уронил «маузер» и с огромной убеждённостью повторил его слова:

— Не может быть.

— Господи, — повторил и Вальтер. И зажмурился.

— Господи, — сказал Пауль. Это было почти смешно, если бы не было так дико всё происходящее.

— Ва-а-альтер! Валь-тер!!! — заполошно орал, спускаясь с травянистого откоса, Готлиб.

Глаза у него были круглые, оружие он волок за ремень и то и дело спотыкался. Следом торопились Зигфрид (с пулемётом) и Линда. Готлиб же, увидев сидящего на корточках Генриха, взвизгнул и, упав, пополз обратно в гору на мягком месте, шустро толкаясь руками и ногами.

Картина приобретала оттенок приключения в дурдоме, и Вальтер понял, что сейчас кто-нибудь обязательно выстрелит. Просто от страха или растерянности.

И в момент прихода этого понимания выстрелы и правда зазвучали — совсем недалеко, густые, знакомые очереди МР.

— Наши? — спросил Готлиб, сидя на заднице. — Ва-альтер?..

— Наши, — Вальтер сделал отмашку рукой. В этот момент стало неважным, куда они попали и кто тут умер, а кто жив, как вообще всё это объяснять — неподалёку стреляли. Стреляли, скорее всего, свои, и Вальтер вскинул руку: — Ко мне и за мной! Скорее!..

...Пять трупов каких-то волосатых оборванцев, совершенно не похожих ни на русских, ни на англичан, ни на американцев, ни даже просто на людей — но с оружием — лежали около костра в безусловно мёртвых позах.

Фыркали лошади. Стоя на одном колене, парень в форме гитлерюгенда, придерживая локтем МР, резал верёвки на двух трясущихся девчонках в простенькой одежде, сидящих у корней здоровенной сосны.

— Что за пальба, брат? — спросил Вальтер.

И подумал вдруг, что, похоже, ничего не стало яснее...

Вольфганг Кран, Йохим Штубе, Тильдер Нойбах, Вольт Бринкер и Хайнц Отт

Ковыля было море. Была голубоватая огромная луна. Был тёплый запах травы и нагретой земли. Было стрекотание насекомых в раскачивающихся волнами пушистых метёлках.

— Будь всё проклято, — потрясённо сказал Тилле.

Вчетвером они стояли по пояс в этом ковыле. Тяжело дышали после короткого бега наугад, в никуда, по майскому ночному лесу. Они ощущали запах своей мокрой формы, говоривший о том, что тот бег им не приснился. И не понимали, что же произошло.

— Вот дерьмо, — сказал Тилле снова. Остальные молчали.

Вольфганг понимал не больше остальных. Он не взялся бы объяснить, почему побежал именно туда, куда побежал. Ну, ладно — сдёрнул всех с ночлега. Это объяснимо, тем более, что погоня и правда была рядом. Но дальше-то?!

Они бежали минут пять. Плотной группкой, не переговариваясь, размеренно дыша. А потом...

А вот что было «потом»? Потом они оказались в этой степи. Оказались — и всё.

— Смотрите, там костёр, — Хайнц вытянул руку. И только после его слов все увидели огонь.

Мальчишки стояли молча, глядя на то, как пламя, кажущееся совсем близким, колышется и танцует среди ковыля.

— Пошли, — сказал, наконец, Вольфганг. — Мне кажется... — он запнулся. — Мне кажется, я знаю, кто там сидит...

...Бывают такие моменты, когда самые невероятные вещи воспринимаются, как должное. Это случается, если вокруг происходит слишком много необычайного. Поэтому Вольфганг даже с некоторой скукой рассматривал сидящего около костра Вольта.

Подумаешь, сидит твой друг, которого ты сам похоронил с разнесённым затылком, подбрасывает в огонь куски деревяшки и тихонько насвистывает «Panzerlied». Ну и что?

А вот Хайнц, похоже, удивляться ещё не разучился. Он два раза моргнул и просто заорал:

— Живой!

Вольт широко улыбнулся и кивнул:

— Здесь — да.

Эти слова разрушили немую сцену. Все четверо опрометью бросились к огню. Вольт засмеялся, встал и взлетел на руках друзей прямо к луне — раз, другой, третий...

— Если честно, я не знаю — как, — Вольт ударом ножа вскрыл банку тушёнки. — Я выстрелил... и услышал поезд.

— Поезд? — удивился Хайнц. Он сидел рядом с Вольтом и то и дело заглядывал ему в лицо.

— Поезд, — кивнул Вольт. — Больно совсем не было, и я испугаться даже не успел...

Поезд загудел, гляжу — а я лежу в траве. И даже нога цела. Правда, шрам остался... — он засмеялся и покрутил ногой. — Я удивился, — признался он откровенно и просто. — Полежал, потом встал... и пошёл. Шёл, шёл, шёл... Чувствую — всё спокойней и спокойней. Как будто забывается всё. Нет, — он отчаянно помотал головой, — не забывается, не так. Как будто приглушилось всё.

— Сколько же ты здесь? — Вольфганг подался вперёд, принял банку и стал намазывать галеты. Вольт вздохнул:

— Не знаю... Правда — не знаю. Недели две или три.

— Ты же... — Йо запнулся. — В общем, мы же тебя вчера... а, чёрт! — он скривился. Но Вольт не обиделся, кивнул:

— Да, я понял... Ну, вот так. Встретил каких-то людей — они меня накормили, это от них тушёнка и галеты...

— Людей? — Вольфганг передал «бутерброд» Хайнцу.

Вольт повёл плечом:

— Ну, да... — и засмеялся. — Табор какой-то. Две повозки, куча детей, а у самих в одной повозке — телевизор!

— Телевизор?! — глаза Хайнца стали круглыми. — Телевизор, как у доктора Бауше?!⁹

— Цветной, — сказал Вольт. — Слово чести! — добавил он обиженно и отдал салют, видя, что ему не верят. — Цветной телевизор, экран — вот, — он развёл руки. — Прямо в этом их фургоне! Я смотрел, как там в футбол играют... Вот.

А говорили они по-английски, ну, не совсем, но очень похоже на английский. Но я всё как-то понимал, и они меня понимали. Тут, — он повёл вокруг рукой, — вообще все всех понимают. Говорят на разных языках — и понимают!

— А тут много людей? — Вольфганг настороженно огляделся.

Вольт покачал рукой:

— погоди, я сейчас как раз про это... А потом они мне говорят — тебя один человек видеть хочет. Я спрашиваю — какой человек-то, я тут никого не знаю и вообще не понимаю, где я и что со мной. А они — он сейчас придёт, ты подожди. Снялись и уехали. А я сижу, как дурак... Жду, сам не знаю, кого.

И приезжает верхом такой... — Вольт помолчал. — В общем, я только в кино таких видел. Шляпа, — Вольт раскинул руки. — Перья — белые, красные, целый воз на шляпе. Весь в коже, в коричневой. Шпага на поясе, кинжал, два пистолета. На сапогах — золотые шпоры... Скажите ему, пусть рот закроет, не могу!

На миг все удивлённо застыли, потом — расхохотались. Хайнц, почти влезший Вольту на колени, в самом деле распахнул рот шире всех дозволенных природой пределов и теперь, сконфузившись, со стуком его захлопнул.

Когда отсмеялись — Вольт заговорил снова:

— Понимаете, ребята... Он со мной долго говорил, я не всё даже понял. Просто потому говорил, что я тут как бы новичок, он про меня узнал, и он решил помочь... Он не совсем обычный человек. Я так понял — кто-то вроде колдуна... Ну да ладно.

В общем, это, — Вольт махнул рукой вокруг, — не мир. Ну, не страна, не земля. Это что-то вроде дороги. А по бокам стоят дома. Это миры. И наша Германия, наша Земля — один из них. По этой дороге можно идти. Идти, идти... В разные места попадать.

Фон Бота — это так его зовут, того человека — говорил, но я многого не понял, я же сказал. Есть ещё Площадь какая-то, Двери, ещё что-то... — Вольт вздохнул. — Но главное я сообразил. Тут есть пути во все времена и во все пространства. Ну, в разные миры, — пояснил он. — Например, где мы выиграли Первую мировую войну. Или ещё куда-то...

— Фантастика, — сказал Тилле. — Не может быть! — но Вольфганг ответил:

— Ну да, а вокруг нас — это может быть?

Вольт не обиделся:

— Я сам сперва не понял. Спрашиваю — а домой мне можно? А он говорит — нет, нельзя. Ты там убит, тебе туда больше нельзя. Зато, говорит, можно в любое другое место. И показал, как. Это очень просто, оказывается. Надо только сильно захотеть. Ну, мы посидели, мне неудобно было...

— Почему? — удивился Хайнц. Вольт вздохнул:

— Ну, Хассе... ну, как ты не понимаешь? Он взрослый... добрый, но чужой какой-то. Как актёр из кино. Он, по-моему, это понял. Попрошался и уехал. А я опять пошёл. Долго шёл, разных людей встречал... — он улыбнулся. — Хороших. Тут только хорошие люди.

— Ну? — Йохим усмехнулся.

— Да, — Вольт спокойно кивнул. — В том-то и секрет. Сюда попадают только хорошие люди. Плохие или... ну, равнодушные, что ли — они тут оказаться не могут.

⁹ Первые телеаппараты появились в Германии в конце 30-х г.г. XX века. В СССР — тоже.

— Значит, фюрер здесь? — вдруг спросил Тилле.
Все разом посмотрели на него. Потом — так же дружно — на Вольта. Тот смутился:
— Ну, ребята... Я не знаю... У меня голова и так распухла... Тут ведь ещё многие просто новые тела обретают... а старое забывают... А бывает — что и нет... Ну, не знаю я! — почти крикнул он с настоящим отчаяньем.
— Ладно, — Вольфганг хлопнул его по плечу. — Ну, а дальше?
— А дальше я свернул, — пояснил Вольт, успокаиваясь. — Правда. Так и представил себе — что я сворачиваю с дороги, открываю калитку... Бум — и я на речном берегу.
— На том, где ты мне приснился? — не удержался сам Вольфганг. Вольт кивнул:
— Угу. Лето. Солнце. Деревья. Я выкупался, поел, опять выкупался, поспал, костёр развёл, выкупался, потом какого-то кролика застрелил — дуром. А потом пришёл к тебе. Я про вас думал, думал, думал... И как будто увидел — вы спите, а русские уже близко. Ну, я и... пришёл. А потом, когда всё объяснил, вернулся сюда и вас... вытащил.
— Да как, как?! — крикнул Йохим. Вольт тоже рявкнул в ответ:
— Откуда я знаю?! Как птица летает, как рыба плавает, как слоны сношаются?!

После секундного молчания опять грянул хохот. Такой, что мальчишки попадали на спины и дрыгали ногами, повизгивая, всхлипывая и фыркая. И в разгар этого веселья Тилле, ржавший чуть ли не громче всех, вдруг сел, потом встал и крикнул:
— Эй, кто там?!

— Эй, это немцы?! — ответили из темноты. И она зашевелилась — через ковыль шли не меньше десятка человек.

Совет

Шестнадцать человек — пятнадцать мальчишек и девчонка — сидели на ступенях полуразрушенной железнодорожной станции, непонятно как оказавшейся здесь. Рядом лежало оружие, и горячий дневной ветер, волновавший ковыль, ерошил их волосы и обдувал лица.

Четверо из них были мертвы в весенней Германии сорок пятого. Поэтому они молчали. Молчал и младший из них — он всецело доверял своему старшему другу. Молчала девчонка — потому что привыкла молчать, когда говорят мужчины. Но десять человек — говорили. Говорили о Германии.

— Надо вернуться, — Вальтер упрямо свёл брови. — Нечестно — не вернуться. Не вернуться — нарушить присягу.

— Мы проиграли войну, — напомнил Вольфганг. — Хотим мы этого или нет — мы проиграли войну. Я это знаю точно, — он грустно усмехнулся.

— Я её не проиграл, — тихо сказал Ялмар.

Вольфганг посмотрел на него:

— Ты тоже хочешь вернуться?

— Пока не знаю, — раздумчиво покачал головой Ялмар. — Я просто говорю, что мы не проиграли войну.

Какое-то время они молчали. Наверное, довольно долгое время. Никому не хотелось ссориться. Они сидели на ступеньках, смотрели вокруг рассеянными взглядами и молчали, слушая, как наигрывает единственная струна — и этот звук сопровождает чей-то голос:

След слепой слезы на солёном слайде, а море ушло.

Истин сизые гвозди — в сырые доски серых дождей.

И тебе остается три выхода: сдохнуть или встать на крыло,

Или просто считать, что нынче ты в отпуске, в отпуске...

Отпуск — три дня, не считая дороги,

Отпуск — три дня, не считая дороги...

— Мы ничего не сможем сделать там, — сказал Пауль. — Я не боюсь, но...
— Давайте сразу условимся, — мягко предложил Вальфрид, — что трусов среди нас нет. По-моему, это не подлежит сомнению.

Они опять помолчали. Неподалёку через степь медленно двигался конный отряд.

Обойди периметр, закрой ворота на ржавый замок,
Отыщи того, кто еще способен, и отдай ему ключ.
Не вини себя в том, что все так плохо — ты сделал, что смог,
А теперь считай, что нынче ты в отпуске, в отпуске...
Отпуск — три дня, не считая дороги,
Отпуск — три дня, не считая дороги...

— Пусть будет так, — Вальтер встал. — Кто уходит обратно — уходит обратно. Через тот ход, которым пришли сюда Ялмар и Айнс. Кто остаётся — остаётся. Те, кто уходят, возьмут продукты и две трети боеприпасов. Так будет честно.

— Да, пожалуй, — Ялмар тоже встал. — Айнс?

— Я как ты, — сказал младший мальчишка.

Проиграй в таверне свои полцарства и ядерный щит,
Заруби напарника в подворотне тупым топором —
Ведь полцарства не делится надвое — четверть уже не звучит,
А теперь считай, что нынче ты в отпуске, в отпуске...
Отпуск — три дня, не считая дороги,
Отпуск — три дня, не считая дороги...

Остальные тоже начали подниматься, неспешно, но уверенно. Ясно было, что каждый сделал свой выбор.

— Ты-то, как? — кивнул Вальфрид Ялмару.

— Я остаюсь, — сказал он, отряхивая штаны. — Пойду обратно. Ну, в ту деревню. Хочу разобраться с бандитами.

— Ты же их положил, — насторожился Вальтер.

— Положил, — кивнул Ялмар. — Но, что-то... — он поморщился. — По-моему, они там ещё есть. Уж больно у них лошадки сытенькие и патрон много. А мне не очень хочется, чтобы они явились в деревню искать своих. Хорошие там люди. Только беззащитные, ну, а я...

— Ну, мы тогда с тобой, — сказал Вольт. — Мы — в смысле, ну... мы. Это уже отряд, согласишься?

Там, где тигр выходит к морю и трогает мягкой лапой прибор,
Где индейское лето — слезинкою неба по усталой щеке,
Где мечта Пасифика выйдет и встанет в пене рядом с тобой —
Оглянись и пойми, что нынче ты в отпуске, в отпуске...
Отпуск — три дня, не считая дороги,
Отпуск — три дня, не считая дороги...

— Э, постой, — Зигфрид перебросил на плечо пулемёт. — Я тогда тоже с тобой. Потом посмотрим, а пока — чего там, пошли.

— Ну, тогда пошли все, — вдруг сказал Вальтер. — И правда — потом посмотрим.

— Только сначала надо на речку вернуться, а то я дороги не найду, — сказал Ялмар, но Вольт отмахнулся:

— Я найду...

— Ну, что, все идут? — уточнил Фриди. — Нам бы с Валли оружие, а то мы пустые совсем...

И так, разговаривая о каких-то почти посторонних вещах, они пошли-потянулись в степь. Неспешно. Не боясь опоздать.

Ничего не останется после неба на казенном листе,
Ничего не останется в этом мире после нее,
Только три этих вечных выхода — сдохнуть или жить в пустоте,
Или просто считать, что нынче ты в отпуске, в отпуске...
Отпуск — три дня, не считая дороги,
Отпуск — три дня, не считая дороги...
Олег Медведев

От автора. Послесловие

Эта маленькая повесть долгое время существовала в виде множества отдельных рассказов, написанных от руки. Но, тем не менее, у неё уже было довольно много читателей. И мне нередко задавали вопрос: «Ну, почему ты написал о немецких мальчишках? У нас что, своих было мало?»

Что тут можно было ответить? Разве — что я писал и о своих, и мои читатели это знают. А вопрос этот диктовался раз и навсегда вбитым в голову стереотипом: «Они — плохие, потому что они фашисты».

Начну с того, что для меня фашисты — не они, а, например, чеченцы. Самые настоящие мусульманские фашисты, причём, массово, всем народом. Но это не важно, тем более — не важно для повести, которую вы прочитали. А важно другое.

Кто мне скажет, чья мука больше?

Мука немецкого мальчишки, заживо расплавившегося (нет, не сгоревшего — именно расплавившегося!) в бомбоубежище — или мука мальчишки русского, умершего жуткой смертью от жажды в каменоломнях Аджимушкай?

Кто мне скажет, чей страх ужасней?

Страх немецкого мальчишки, слушающего, как воют над домом сирены и как режут в небе моторы армад «либерейторов» — или страх мальчишки русского, слушающего, как воют над домом сирены и как режут в небе моторы армад «дорнье»?

Кто мне скажет, чьё мужество больше?

Мужество немецкого мальчишки, вышедшего на крышу тушить «зажигалки» — или мужество мальчишки русского, вышедшего на крышу тушить «зажигалки»?

Кто мне скажет, чья верность выше?

Верность немецкого мальчишки, в упор стреляющего из «фауста» по танку — или верность мальчишки русского, бросающегося под танк с гранатной связкой?

Кто мне скажет, чьё горе горше?

Осиротевшего немецкого мальчишки — или осиротевшего мальчишки русского?

Мне скажут, что это их страна развязала войну.

Вообще-то, мне есть, что ответить. Ответить подробно. Достаточно почитать дюжину книг умных людей (хотя бы Мухина с Широкоградом), чтобы понять: войну развязала Польша.

А за спиной её стояли «демократические силы мира», которые в 1931-1938 годах тщётно пытался вразумить «злой Советский Союз» во главе с «тираном Сталиным». Но я не хочу отвечать. Речь сейчас не об этом. Речь о том, что сказал — правда, намного раньше — английский поэт:

Погибли-то МИЛЛИОНЫ —

И среди них были ЛУЧШИЕ...

Поэтому я не в настроении выяснять, кому было хуже и кто был лучше, кто виноват и кто прав. Не сейчас. Не в этой повести...

...В моей видеоколлекции есть страшный чёрно-белый фильм — «Германия, год нулевой». Он о Германии 1946 года, но, когда я смотрел его, то не мог отделаться от ощущения, что это фильм о России года 1996 или.. 2006, какая разница? Уж слишком яркими и наглядными были «приметы времени» на экране.

Вот — очередь домохозяйек за пайком; женщины покорно стоят и тихо разговаривают, что в советском секторе сегодня давали мармелад, а у них — нет.

Вот — педофил, мразь в очочках, при Гитлере сидевшая тише воды ниже травы в своей норе; теперь он крутит большие дела с «союзниками»-оккупантами, а в свободное время одного за другим водит на свою квартиру всё новых и новых голодных мальчишек — посимпатичнее.

Вот — старший брат главного героя, бывший солдат СС, раздавленный страхом и опустившийся — он не смеет даже выйти на улицу, чтобы его не забрали.

Вот — старшая сестра, которая после долгих терзаний решается на единственный выход добыть деньги и еду — торговать собой для солдат оккупационных войск.

Вот — группа полубеспорядочных подростков, живущих продажей краденого с железнодорожной станции; они по очереди спят с двумя девчонками из своей «команды»...

И сквозь всё это проходит одиннадцатилетний главный герой. Финал фильма ужасен. Не в силах больше видеть, как медленно умирает голодный и больной отец, мальчишка даёт ему дозу яда.

А потом забирается в разрушенный дом. Несколько секунд стоит на карнизе четвёртого этажа, глядя на развалины родного города.

И — просто и легко падает вниз. Не прыгает, а именно падает. А дальше показывают лежащий ничком труп ребёнка...

Насколько счастливей были те, кто пал в бою!!! Они не видели всего, что было потом. Они умерли, сражаясь...

...Предвижу, что и тут мне не раз врежут за эту повесть. Ну, что ж... Я не буду оправдываться. Просто напоследок, прежде, чем вы закроете рукопись, расскажу одну очень поучительную историю.

В детстве и отрочестве я обожал книги Анатолия Алексина. «Пять весёлых повестей», «А тем временем где-то...», «Третий в пятом ряду» — их было много, несколько десятков, не меньше, этих ярких и талантливых повестей.

Пионерские галстуки, ненависть к фашизму, любовь к родной земле, принципиальная жизненная позиция, сигнальщики-горнисты (кстати, так называлась ещё одна его повесть...).

В 1978 году Алексин даже Государственную премию СССР получил. Ну образцовый гражданин и патриот, Гайдар второй половины XX века!

А как подошёл 1993 год, стало совсем дерьмово в нашей стране, и понял этот «Гайдар», сорок лет за хорошие денежки и нехилые льготы воспевавший советский патриотизм, что больше тут ловить нечего — сдёрнул он в одну из самых нацистских стран мира. В Израиль. И выяснилось, что настоящая его фамилия — Гоберман...

Так вот. Меня, как ни крути, Гоберманом не сделаешь.

Да. И совсем последнее. Вряд ли у этой повести будет логическое продолжение.

Но, если на страницах других моих повестей — когда героям станет туго — вы вдруг услышите в тылу уже, казалось бы, ликующего врага очереди и крики: «Фрайхайт, фрайхайт!» — вы будете знать, кто пришёл моим героям на помощь.

И, может быть, где-то там (как я уже писал в одной из своих книг) мальчишки из этой повести встретятся с нашими ребятами, погибшими на той войне. Встретятся — и поймут. Поймут всё, что так и не смогли понять мы, из-за чего сбылись горькие слова Шевчука:

И, как водится, вслед за погибшими львами,
Идут, разбирая их кости, шакалы...

Но отважные — не умирают. Им просто находится дело в других местах и временах.
Я верю в это.

К О Н Е Ц

http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/thewayofthewarriors.shtml

«Советник» — путеводитель по хорошим книгам.